

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Уходящая натура

Фридрих Евсеевич Незнанский

Уходящая натура

Серия «Марш Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169361
Уходящая натура: АСТ, Олимп; Москва; 2006
ISBN 5-17-035164-X, 5-7390-1821-8*

Аннотация

Настоящая паника охватила несколько московских фирм, работающих в сфере высоких технологий: неизвестными мошенниками похищены эксклюзивные разработки, вскрыт доступ к солидным счетам в российских и американских банках, по поддельным пластиковым картам преступники снимают крупные суммы денег. Когда же после крупнейшей технологической выставки в Ганновере исчезает академик, ведущий работу по созданию российского суперкомпьютера, за расследование берется Генпрокуратура. Следственно-оперативную группу по поиску ученого с мировым именем возглавляет Александр Борисович Турецкий...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Пролог

По удивительной способности оставаться красивым в любую погоду с Лондоном может соперничать, пожалуй, только российский Санкт-Петербург. Очарование этих городов не портят ни метели, ни проливные дожди, ни туманы. Даже наоборот случается: когда из всех красок в городском спектре остается только серый, у приезжих вдруг перехватывает дыхание – не от пронизывающих порывов ветра, не от холодных капель, падающих за воротник, а от внезапного осознания того факта, что находишься в самом центре мировой красоты.

Петербургу нет равных в сезон белых ночей. Время Лондона – середина весны. С приходом первых апрельских дней что-то неуловимое и прекрасное проникает в лондонский воздух. В Сент-Джонс Вуд весело щебечут птицы, Риджент Парк усыпан разноцветными крокусами: желтыми, белыми, розово-лиловыми; на голых пока ветвях невысокого, разлапистого дерева расселись вернувшиеся из южной командировки дрозды. Немного дальше по дороге, в саду перед небольшим домом, вот-вот зацветет миндаль – бутоны уже набухли и налились жизнью.

Идиллические пейзажи весеннего Лондона не слишком располагают к деловой активности. И очередной Российский экономический форум начался не скучными заседаниями, а

грандиозным светским приемом во дворце Соммерсет-хаус, во дворе которого был установлен огромный шатер, прежде использовавшийся лишь однажды – для празднования юбилея Элтона Джона. Теперь же в шатре диджеем выступал Андрей Троечкин, а музыкально-шумовым развлечением перед тусовкой новорусских миллиардеров кривлялись модная группа «Утамурман» и девичье трио «Женьшень».

В деловых же кругах больше всего на форуме говорили о сыне всемогущего владельца банка «СМС-Арго» Андрея Витебского, совсем юном еще Николае, который год назад купил завод спортивных автомобилей TVR в Блэкпуле. Витебский-младший представил собравшейся публике новый автомобиль «сагарис», обещающий стать хитом сезона.

Но ничуть не меньше сплетничали и о новых именах в сфере информационных технологий. Трепали имя Чепурного – известного изобретателя и успешного бизнесмена от телекоммуникаций, перемывали косточки главе бурно развивающегося холдинга «Интеллект» Семену Шапиро. Последний привлек общее внимание не столько деловыми успехами, сколько скандальностью высказываний. Он при всяком удобном случае громогласно заявлял, что скоро безраздельному господству Запада и Юго-Востока в сфере информационных технологий настанет конец. И Россия из нефтяного придатка цивилизованного мира на очередном витке научно-технической революции станет флагманом, по которому будут равняться остальные державы. Капиталы, нажитые

некогда на нефти и газе, будут до смешного малы на фоне гигантских состояний, сделанных на продаже информации.

Впрочем, всем этим научным фантазиям, «деловым» беседам и встречам на форуме мало кто уделял серьезное внимание. Собрались богатые люди приятно провести время, потратить кучу денег, на людей посмотреть, себя показать. Вот и кутили напропалую.

Воспитанные лондонцы лишних вопросов не задавали, хотя и недоумевали порой: почему эта вакханалия происходит в их «доме»? Видно, что-то не в порядке в российской экономике, равно как и в политике, если русские собираются поговорить о них в британской столице. Трудно себе представить, чтобы англичане каждый год ездили обсуждать свои проблемы в Москву.

Однако странную традицию эту придумали еще большевики, которые и век назад были убеждены, что в российской политике и экономике все не так. И что именно они точно знают, как надо. А кому, как не англичанам, хорошо известно, что традиции следует ценить и свято соблюдать...

Откушав ленч в «Старом чеширском сыре», который посещал сам Диккенс, Борис Иванович Мирошкин неспешно направлялся к Тауэру. До начала круглого стола еще оставалось минут тридцать. Подойдя к перекрестку, привычно посмотрел налево и смело шагнул на проезжую часть. Раздался визг покрышек, россиянина обдало волной горячего, напол-

ненного бензиновым ароматом воздуха, и в десяти сантиметрах справа от пешехода застыл радиатор старинного двенадцатицилиндрового «бентли» с открытым верхом. За рулем сидел невозмутимого вида джентльмен в кожаном шлеме и квадратных автомобильных очках. Ни словом, ни взглядом не выразил он своего отношения к сумасшедшему, лезущему под колеса.

«Сорри», – пробормотал Мирошкин и отступил на тротуар. «Бентли» чихнул и с достоинством укатил за поворот. Несостоявшаяся жертва так и осталась стоять столбом в клубах сизоватого дыма.

Зато давний приятель и сослуживец Мирошкина, сухонький полковник Васечкин, исполняющий ныне при генерале обязанности секретаря, ординарца и адъютанта, мчался к начальнику скачками, размахивал руками и вопил командирским голосом на добрую половину Сити:

– Иваныч, мать твою! Хочешь меня под монастырь подвести? Анна Каренина!..

– А чего он?.. – все еще с трудом соображая, что же произошло, оправдывался генерал.

– Так левостороннее же движение!

– А-а-а-а... «Семен Семеныч»! – Мирошкин хлопнул себя по лбу. – Ладно, идем. Нехорошо опаздывать.

И офицеры, осмотревшись, осторожно ступили на проезжую часть.

В отличие от бесшабашного русского форума, мероприятие, на которое торопились высокопоставленные милицеские чины, широко не афишировалось и было сугубо деловым, строгим и даже чопорным. Все шло по загодя утвержденному плану заседаний: выступления, прения, постановление. И только под самый занавес международного лондонского Конгресса по вопросам киберпреступности, посвященного проблемам защиты информации, организаторы решили провести круглый стол со свободным обменом мнениями.

Россию представляла делегация во главе с начальником Бюро специальных технических мероприятий МВД РФ генерал-лейтенантом милиции Борисом Мирошкиным.

Скрепя сердце генерал, едва не ставший причиной дорожно-транспортного происшествия, перед лицом обеспокоенной мировой общественности вынужден был признать, что лучшие в мире компьютерные взломщики живут в России.

Все мировые спецслужбы вдруг как-то разом обеспокоились тем, что начала развиваться тенденция к объединению российских хакеров с иностранными «коллегами» в транснациональные группировки, основное занятие которых – кража информации, шантаж и вымогательство.

Особую тревогу правоохранительных органов вызвал тот факт, что движение хакеров переросло из группки сетевых хулиганов в объединенную виртуальную банду, которая занимается хищением воистину космических сумм.

Представитель Федерального бюро расследований США Генри Стейниц, укоризненно поглядывая на Мирошкина, будто тот был во всем виноват, пожаловался, что ФБР не первый год уже ведет расследование деяний группы из восьми российских хакеров, скрывающихся под псевдонимом Мастер. Известно, что трое из них москвичи, остальные живут в российской глубинке – не перевелись, как видно, еще богатыри в земле русской.

Сотни тысяч американских пользователей получили письма с угрозами от Мастера. В сообщениях говорится прямым текстом: извините, но ваш секретный канал доступа к счету в банке взломан. Называется имя жертвы, адрес, номера кредитных карт и все пароли, а также имя сайта, с которого были получены эти данные. Мастер, разумеется, во всех смертных грехах обвиняет компанию – владельца сайта: она, мол, не заботится о своих клиентах, а нужны, мол, компании только их деньги, деньги, деньги...

Однако тут же сам требует от потерпевшего перевести на счет хакеров «небольшую сумму», для того чтобы личная информация пользователя осталась в тайне.

Целью шантажистов являются и крупные компании: четверем из них был «предъявлен счет» на сто тысяч долларов каждой...

– Извините, мистер Стейниц, – со своего места при-

встал специальный гость конгресса, частный детектив Марк Бернетт, нанятый одной из пострадавших от преступников фирм, – но, по крайней мере, одна жертва взлома уже решила выплатить хакерам требуемую сумму. Дурное дело нехитрое, и этому примеру вскоре последуют остальные. Мы упускаем время! Я еще три месяца назад обнаружил провайдера, с помощью которого Мастер получает доступ в Интернет. Он на Украине базируется. Вся информация сразу же была передана ФБР, но хваленые агенты пальцем о палец не ударили...

– Да уж, – поддержал детектива Питер Реддвей, директор международного антитеррористического центра «Пятый уровень», – иногда федералы не слишком торопливы. Один из «мастеров» месяц назад ухитрился даже дать интервью Би-Би-Си. И буквально посмеялся над ними, заявив, что агенты профессионалами пока не являются, они не удосужились даже отследить банковские транзакции Мастера. Да и сайт свой хакеры свободно держат в сети, а ФБР все чешется.

Стейниц краснел, сопел, но отмалчивался.

– Экономические преступления не наша епархия, – продолжал Реддвей. – Хакеры пока участия в подготовке терактов не принимают. Однако у нас есть информация, что американцев в ближайшее время может ожидать неприятный сюрприз, поскольку Мастер подбирается к очень крупной платежной системе. Почему вы не обратитесь к русским, Генри, если сами не справляетесь? Русские могут помочь.

– А у нас ведь есть опыт и успехи есть, – радостно отозвался Мирошкин. Генерал не первый год в тесном контакте с зарубежными партнерами и прекрасно говорит по-английски. – В России уже за текущий год разоблачено несколько хакерских группировок, причастных к ограблению сетевых букмекерских контор на сумму около трех миллионов долларов. А совсем недавно в Москве поймали мошенников, занимавшихся хищением денег с электронных банковских карт. Задержали десяток студентов технических вузов. План хищения был разработан безукоризненно: студенты работали в сотрудничестве с хакерами Западной Европы, ломая коды от карточек иностранных граждан, а средства снимали в банкоматах Москвы по изготовленным суррогатам.

– И что? – попытался отбиться фэбээровец. – Удалось предотвратить хищения?

– Увы, только отчасти, – развел руками генерал. – Прежде чем взломщики были задержаны, им уже удалось похитить более шестидесяти тысяч долларов. Зато при обыске у мошенников обнаружили поддельные кредитки, по которым можно было получить доступ к счетам на общую сумму, превышающую полмиллиона. Так что и предотвратить кое-что нам удается...

– Ну что же, – сдался вдруг представитель ФБР. – Мы направим вам официальный запрос.

Первый помощник генпрокурора России, госсоветник юс-

тиции третьего класса, в прошлом старший следователь по особо важным делам Турецкий Александр Борисович вот уже несколько мгновений лежал с открытыми глазами, привыкая к темноте. Из-за плотно задернутых штор в комнату не пробивалось ни единого лучика света, но стенные часы с фосфоресцирующими стрелками свидетельствовали о том, что на улице должно было начать светать. Рядом посапывала супруга. Она отвернулась к стене, и лица ее видно не было, лишь темное, загоревшее во время недавнего отдыха Ирины в Бодруме плечо выглядывало из-под белого пододеяльника, эффектно контрастируя с ним. На груди у «важняка» уютно примостилась кошка, которую два дня назад притащила домой дочь Нинка. Подружка ей «подарочек» подсунула на время отпуска родителей. Зверюга свернулась калачиком и сладко мурлыкала во сне.

На прикроватной тумбочке забилося в конвульсиях чудо техники – недавно подаренная семьей новая мобилка «Сони Эриксон» с полифонией, фотокамерой, «блютусом» и прочими наворотами и прибабасами. И первым осмысленным желанием разбуженного Александра Борисовича стало желание вышвырнуть поскорее эту гадкую новомодную штуку в открытую форточку.

Сбросив обиженно фыркнувшую кошку, Турецкий дотянулся до телефона:

– Да.

С минуту слушал знакомый голос, потом негромко, но со

сдерживаемой злостью сказал:

– Славка, ты сошел с ума. Часы перед глазами есть? Я лег в два...

Замолчал на полуслове. Послушал еще.

– Нет, Слав, Костя не звонил еще. Президент берет дело на контроль? Значит, скоро наш генерал объявится... Погоди-ка, как, говоришь, фамилия? Дубовик? Я слышал. На совещании сегодня, ну вчера то есть, его Мирошкин гением называл. Борис в Генпрокуратуре докладывал о лондонском конгрессе. наших компьютерных хулиганов хвалил очень – никто, говорил, поймать не может. Лучшие потому что. Говорит, что и ему самому безумно жаль ловить и определять «к хозяину» лучшие умы страны, вынужденные из-за невосребованности на легальном рынке труда уходить в криминал. И будь у его департамента деньги – он бы этих ребят в свой штат взял. Но они в своем деле – спецы мирового уровня. Где ж для них соответствующих денег на зарплату найдешь?.. Ладно, ладно, не отвлекаюсь больше, извини. Ну да. Дубовика упоминал. За пояс, мол, Гейтса скоро заткнет. А когда его хватились? Только вчера? Да уж. Похоже, у этих ребят загодя было все продумано и подготовлено. Ага... Да зачем мне теперь Меркулова дожидаться? Я к тебе сейчас выеду. Расскажешь. Обсудим. Помозгуем. А там, глядишь, и Костя подтянется. Еду!

Сдержанно, чтобы не разбудить жену, Турецкий хихикнул в трубку и вкрадчивым Костиным голосом неожиданно за-

кончил:

– Иди отсюда. Не мешай работать!

И отключил телефон.

Спустил ноги с кровати, нашарил тапочки, тяжело вздохнул и, пошатываясь спросонья, отправился в ванную приводить себя в порядок.

Очень не хотелось в такую рань ни умываться, ни бриться, а хотелось послать к черту все происходящее на белом свете и завалиться обратно в еще не остывшую постель. Но врожденная обязательность и многолетняя привычка вынудили следователя встряхнуть баллончик с гелем для бритья, выдавить на ладонь прозрачную зеленоватую закорючку и размазать ее по подбородку, превращая в душистую пену.

Вот так, с намыленной физиономией, стоял в ванной комнате бывший «важняк» – хотя разве «важняки» бывают бывшими? – в трусах и уютных мохнатых домашних тапочках – и вглядывался в зеркало.

А из прозрачной ниши, в которой виднелся кусок точно такой же ванной комнаты с розоватым кафелем, на него тоже, слегка прищурившись, внимательно смотрел мужчина средних лет, едва начинающий сидеть и вполне в себе уверенный. Еще буйная шевелюра, черты лица правильные, даже утонченные. Бабам нравится. Хотя в уголках улыбчивых глаз легла сетка морщин – с близкого расстояния она хорошо заметна. Зато твердый взгляд, кстати, не глупый, заинтере-

ресованный, усталый только, – отметил про себя Александр Борисович. И под глазами мешки от недосыпа. Ну хоть не от алкоголя. Отдохнуть бы с недельку. Ан нет: «снова поднимает нас с зарей и уводит за собой в незримый бой...»

А в чем смысл-то, а? – спросил сам себя Александр Борисович. Не пора ли успокоиться? Генерал ведь уже. Забуриться бы на дачу и жить там, никуда не торопясь. Рыбалка, банька, запотевший графинчик, огурчик с грядочки. Все равно ведь все, что он делает, выходит не так, как надо бы, как хотелось. Все равно в правосудие всегда вмешивается большая политика. Взрыв на пути президентского кортежа – дело рук психа-уголовника. А ведь служба безопасности упорно искала шахидку, «черную вдову»...¹

И как знать – не «нашла» ли какую-нибудь «козу отпущения»...

Всегда ведь бывает: сделаешь дело, преступника отыщешь. Оборзевшего мэра какого-нибудь заштатного Задрюпинска на чистую воду выведешь. А тебя отодвинут в сторону – запретная зона. Государственные интересы!.. Будто бы есть какие-то интересы важнее закона.

И уйти – не уйдешь. Есть внутри что-то, не позволяющее бесстрастно взирать со стороны на беззаконие и беспредел. И едва возникает потребность в следователе Турецком – бросаешь все и бежишь, как гончая по следу.

Все бежишь, бежишь куда-то, только вот так у зеркала и

¹ Ф. Незнанский. «След „черной вдовы“».

остановишься на секунду. А потом дальше. Куда? Кому это надо? – снова промелькнула мысль. Поморщился, отгоняя.

И потянулся за бритвой.

Глава 1

1

Если сойти с электрички на платформе Маленковская и направиться не в сторону Сокольников, а к жилому массиву, то, перейдя Рижский проезд, можно найти в первом же дворе приметный подъезд с большим навесом. Два нижних этажа в многоквартирном доме некогда были выделены под небольшую то ли типографию, то ли мастерскую – что-то там вечно стучало и гроыхало. Потом – не то разорившись, не то разбогатев – арендаторы съехали, и помещение, будто переходящее знамя, пошло по рукам.

Но в последнее время с ним на глазах начали происходить чудесные перемены. Покосившийся навес выпрямился и заблестел свежей краской. Дверь сменилась современной, но под старину – из красного дерева, да еще и с металлическим нутром. На окнах появились пластиковые стеклопакеты и прочные решетки. А у самого входа повисла бронзовая доска, на которой значилось: «Научное объединение „Ритм“. Комплексные решения».

Время близилось к шести. Шеф давно уехал на деловую

встречу и возвращаться не намеревался. Пользуясь его отсутствием, сотрудники за полчаса до окончания рабочего времени начали собираться по домам.

– Ну что? – обратился ко всем оставшимся сразу Олег Ралко, выключив компьютер. – Не послать ли нам гонца?

– Не, старики, я – пас, – первым отозвался Митяй из «переводчиков». – Я Машке своей пообещал не зависать. Мастер сегодня должен батарею в ванной апгрейдить. А у жены вечером – йога. Поэтому разве что по дороге – на бегу – пивком заправиться...

– А зачем ты батарею меняешь?

– Хрен знает. Захотелось. Дерьмо потому что. Протекает, дура ржавая. И винты все разболтались.

– Меняй «винты».² «Сигейт»³ надо ставить. – Гриня Рифов, толковый программист, работающий над проблемой распознавания символов, всегда шутил так, что непосвященный понять не мог.

– Угу, – буркнул Митяй с кривой улыбкой. И вернулся к куда более интересной теме. – Ну так как, Валер?

– Ты же знаешь, нельзя. – Валерий Гончар демонстративно подержался за бок. – Мне на операцию скоро. Штейн сегодня уже и заяву мою подмахнул. Правда, я тут покантуюсь

² «Винт» на сленге программистов – жесткий диск компьютера, «винчестер». – *Прим. авт.*

³ «Сигейт» – Seagate, одна из наиболее известных фирм-производителей этих устройств. – *Прим. авт.*

еще с недельку. А потом уволюсь – и на вас дела скину. На Сашку, наверное. Надо бы вот успеть до ухода все багги⁴ выловить. А я в глубокой отладке погряз. Прога⁵ все глючит, чтоб ее! Вот и сегодня тоже придется до ночи здесь торчать.

– Понятно, – кивнул головой «переводчик», – трудись. А мне все-таки кто-нибудь компанию составит?

– Ну я. – Александр Дрозд, «обрадованный» перспективой дополнительной нагрузки, решил, что бутылочка «Клинского» по дороге к метро лишней не будет.

В общем, набралась команда в четыре человека. Предвкушая удовольствие, с радостными восклицаниями они бодро покинули лабораторию. Неприсоединившиеся тут же заторопились на электричку. Зато Олег, не согласившись тащиться в безымянную пивнушку на углу Корчагина и Кибальчича, задержался и спросил Валерия:

– Что в программе не идет-то? Может, я помогу?

– Да никак не добьюсь реакции этой железяки на контекст. – Гончар погрозил кулаком персональному компьютеру, хитро подмаргивающему зеленоватым глазком.

– На чем пишешь? На Прологе?⁶

– На Си.⁷ С подцепляемыми процедурами на Смолтоке.⁸

⁴ **Баг** (программистский сленг) – ошибка. – Прим. авт.

⁵ **Прога** – программа (сокр.). – Прим. авт.

⁶ **Пролог** – язык программирования. – Прим. авт.

⁷ **Си** – язык программирования. – Прим. авт.

⁸ **Смолток** – язык программирования. – Прим. авт.

– Да, эти языки – не мой профиль. А вообще загвоздка-то в чем?

– В том-то и дело, что сам не пойму. При высокой степени неопределенности я обращаюсь к экспертной системе – она мне дает значения соседних букв, анализирует слог, прогнозирует слово в контексте всей фразы. Когда это слово из словаря – идентификация неизвестной буквы почти стопроцентная. А если незнакомое? Исходя из принципов построения языка, вроде бы появляется определенность. Но достоверность подстановки, хоть убей, не поднимается выше двух десятых. – Валерий повел плечами.

– Ну знаешь, тут ведь тонкостей вагон. А логика подстановки не хромает?

– Как это?

– Ну следи за мыслью. Я утверждаю, допустим, что водка есть смесь воды со спиртом. Согласен?

– Согласен.

– Питие оной называется «распитие спиртных напитков»...

– Верно. И что? – хмыкнул Гончар. – Нам-то это не грозит.

– Если в водку не налили спирт, то получится не спиртной напиток, а жидкость, эквивалентная той, что течет из водопровода. Верно?

– Верно.

– А вот и нет. По введенному выше определению, чтобы напиток назывался водкой, в его состав должен входить

спирт. Поэтому термин «водка» здесь употреблен неправильно. Надо говорить: если в воду не налили спирт... Усе-
каешь, в чем тонкость? Может, и ты с формулировками пра-
вил напутал?

– Все может быть. Вот и пытаюсь разобраться: все исход-
ные послышки с самого начала проверяю.

– А Гриня что говорит?

– Хохмит, по обыкновению. Достал уже свежими анекдо-
тами о программистах.

– Угу. Но я, в общем, тебе тут тоже не помощник. Ты зав-
тра Митяя потряси. Или пусть Марину даст на денек для кон-
сультаций. Тут где-то в переводческой епархии глюк.

– Да я понимаю. Ладно, завтра подключу кого-нибудь. А
сегодня сам поковыряюсь.

– Лады. Я пошел тогда. Бывай!

– До завтра...

Провожая приятеля, Валерий оступился, согнулся нелов-
ко, опять схватился за бок. С болезненным выражением ли-
ца пожал протянутую на прощание руку и надежно – на оба
замка – запер за Ралко дверь. Затем широко улыбнулся, до-
вольный собой, заглянул на всякий случай в смежные ком-
наты, опустил жалюзи и стал по очереди включать все ком-
пьютеры сослуживцев.

Собственно, фирма не была режимной, тема работ бы-
ла открытой, и у сотрудников не имелось профессиональ-

ных секретов друг от друга. Но доктор наук Борис Несторович Штейн, ученый старой закалки, от подчиненных требовал строжайшей производственной дисциплины. В офисную компьютерную сеть все входили со своими паролями, доступ к информации был ограничен системным администратором в соответствии с должностными полномочиями, для большинства программистов было установлено даже разрешенное время доступа к серверу. Но для Валеры Гончара Штейн сделал исключение. Парень был талантлив, умел находить нестандартные решения на стыке различных областей – его следовало поощрять возможностью интересной работы и перспективами. Поэтому Гончар имел почетное право трудиться даже по ночам. И этой возможностью неоднократно пользовался.

Оставшись в одиночестве, «талант» сел за свой компьютер, открыл замаскированный файл, в котором у него хранились пароли со всех рабочих мест и секретные идентификаторы для доступа к резервному серверу, куда каждый день дублировалась вся информация – на случай неполадок основного. Валерию, разумеется, было все равно, откуда красть, но его хитрая программка, подбирающая чужие пароли, быстрее взломала резервный. Так получилось. И теперь ежедневно результаты работы всего научного объединения копировались на загодя приготовленные похитителем лазерные «болванки».

Человеку со стороны показалось бы, что занимается Вале-

рий совершеннейшей ерундой. Потому что сохранял он для личного пользования не новые фильмы, не крутые компьютерные игрушки и даже не фотографии голых девиц, а переписывал на компакт-диски странные и абсолютно ненужные в нормальной жизни программы, над которыми вот уже полтора года гнули спины сотрудники известной среди производителей софта компании «Ритм».

Научным направлением основавшего фирму Штейна и его группы было распознавание и перевод текстов, причем основной акцент делался на практическом создании комплекса программ для работы со старинными рукописями.

Вообще говоря, ничего нового и интересного в этих областях знаний вроде бы и придумать нельзя. Принципы распознавания образов читаются в любом техническом вузе миллионам студентов. Только вот на голых принципах ни одна система нормально работать не желает. Основные идеи автоматизированного перевода с языка на язык формулировал Уоррен Уивер еще в 1949 году. И существует множество программ перевода, естественно. И любой из этих программ запросто можно воспользоваться, когда грустно: полдня смеха обеспечено.

Но Борис Несторович не стал бы заслуженным изобретателем России, если бы пасовал перед трудностями.

Его аналитический ум выделил несколько проблем, ре-

шив которые можно было бы читать старинные тексты на разных языках.

Во-первых, старые тексты порой сложно даже просто разглядеть. Тут профессор придумал абсолютно новую методику использования спектрального метода: древний текст размещают между стеклами, и в инфракрасном свете, когда становятся видными следы даже стертых букв, обводят утраченные фрагменты специальными чернилами поверх стекла. Текст такого «слоеного пирога» становится различимым, написанное фотографируют и в оцифрованном виде передают в компьютер.

Во-вторых, в увиденном тексте следует опознать каждый символ. Но в рукописных текстах даже одна и та же буква всякий раз может выглядеть по-разному, отличаясь от эталона. Для повышения вероятности правильного распознавания Штейн придумал еще один оригинальный ход.

Он знал, что нейронные сети человеческого мозга для того, чтобы точнее опознавать объект, всегда используют контекст, внешнее окружение образов. Допустим, вы видите светлое смутное пятно в темноте, при этом вы видите только пятно – и ничего более. Если же вы достаточно четко различаете под ним темный силуэт, вы уже знаете, что пятно – это лицо человека. И уже осознанно пытаетесь разглядеть именно черты лица. А если вы осведомлены, что в этом месте вас должен ждать знакомый, то даже в условиях плохой видимости вы почти наверняка можете опознать человека.

По крайней мере, решить – он это или не он. Так велика роль контекста.

Такой же принцип – анализа контекста символа – положил в основу работы по распознаванию Борис Несторович Штейн. И именно в этой области он возлагал немалые надежды на Гончара.

Ну и, наконец, решение проблемы непосредственно перевода виделась Штейну в создании некоего промежуточного электронного языка, с помощью которого можно было проанализировать, уяснить и описать смысловую составляющую неизвестного текста. А вторым этапом – опираясь на уже известный смысл, синтезировать фразу на любом из требуемых языков, ориентируясь на его синтаксис и морфологию. Создать такой язык-посредник с помощью известных систем программирования до сих пор не удавалось никому. Но Штейн намеревался и при разработке промежуточного языка, и в процессе последующего его функционирования применять экспертные системы и базы знаний, благодаря которым созданная система стала бы еще и самообучаемой. В этом случае появлялись надежды на успех. Над решением именно этой задачи корпели Митяй, Марина и их коллеги.

Решив, что, идя намеченным путем, он непременно добьется своего, профессор собрал дружный коллектив молодых честолюбивых специалистов, а для финансового обеспечения проекта взял кредит на полтора миллиона долларов

в банке «Альма», надеясь, что затраты окупятся сторицей. Они и должны были окупиться многократно, поскольку интерес к будущему программному продукту, при условии его реальной работоспособности, выразили и крупнейшие мировые библиотеки, и Лувр, и Британский музей, не говоря уже об Эрмитаже.

Пахло очень крупными деньгами. От этих запахов кружилась голова. И не только у Бориса Несторовича.

2

– Ну и как это все называется? – Меркулов, нахмурившись, повел рукой в сторону накрытого стола. – И для чего мы тут собрались, а? Я вас спрашиваю!

– Ну, э-э-э-э... – смиренно потупился Вячеслав Иванович Грязнов, соорудив скорбную мину. – Совещаться вроде бы. Так не виделись же давно. Вот и вооружились традиционно.

– И двух недель не прошло, – нарочито нахмурился заместитель генерального прокурора.

– Вот мы и говорим: давно. Целую вечность, Костя. Целых две недели почти, – встрял Турецкий. – А совещаться после такой разлуки без хорошего коньяку – это просто извращение какое-то.

– Вы затем именно сюда и забрались, конспираторы? – не выдержав, рассмеялся Константин Дмитриевич. – Наливайте уж тогда. Время, если честно, не ждет! Меркулов снова

улыбнулся:

– Хорошо все-таки с вами, мужики. Эх, если бы не дела...

– Погоди с делами, Костя, – поднялся с бокалом в руке Турецкий. – Их нельзя решать в мрачном настроении. А хороший напиток всегда приносит радость. Знаете, чем отличается нормальный человек от алкоголика? Нормальный знает, что, правильно выпив, он получит радость. Алкоголик помнит, что радость когда-то была. И выпивает в ожидании ее. А ее нет. И он выпивает еще. И еще, и еще... Давайте же за то, чтобы наше общение всегда приносило только радость.

– Ты не из Грузии к нам? – хихикнул Слава. Но бокал тоже взял и со вкусом пригубил.

– Нет, – открестился Турецкий. – Из постели.

Он протянул руку и отломил кусочек от шоколадки.

– Вот и позавтракаем заодно. Одни калории. – Он похлопал себя по животу. – Да и бог с ними. Слышал, что теперь говорят, мол, неправильно пить коньяк с шоколадом. Кто с козым сыром советует, кто с икрой...

– Вот я – с икрой. – Меркулов взял небольшой бутерброд. – А вообще-то спасибо вам огромное, мужики. Хоть немножко расслабиться. А то совсем в последнее время...

Он не спеша пожевал, светлея лицом.

– Ну, что, повторим?..

– Как у нас, у русских, принято: между первой и второй – перерывчик...

– Не примазывайся, Саня, – засмеялся Грязнов. – Какой

ты русский? У тебя и фамилия-то...

– При чем тут фамилия? – возмутился Турецкий, которого и дома вечно «подкалывали» по этому поводу. Перед отъездом на отдых в Турцию Нинка, к примеру, заявила, мол, еду разыскивать предков. Конечно, Турецкий устроил дочери шуточную головомойку. Но от Славы он подобных фокусов не ждал.

– Прочел недавно про интересное исследование демографов, – пояснил Грязнов. – Они составили список из двухсот пятидесяти наиболее распространенных общерусских фамилий. Но ты не переживай, там нет ни меня, ни Кости, хотя какой-то похожий Меркушев затесался на двести сорок восьмое место.

– Тебя это волнует? – удивился Меркулов.

– Не, – отмахнулся Слава. – Просто интересно. Статистика иногда открывает презабавнейшие вещи.

– Например?

– Ну вот, например, что страной нашей руководят люди почти исключительно из южных регионов, если по фамилиям судить. Только, как ни странно, лишь Хрущев фамилия северная, из архангельского региона. Да Горбачев – общерусская. остальные – Брежнев, Черненко, Андропов, Путин... все южане.

– А про уголовников тебе статистика ничего не говорит? – съехидничал Турецкий.

– Ну так это анализировать надо, – усмехнулся Грязнов. –

Работать. А у нас и без этого дел полно...

И триумвират вернулся к той проблеме, которая и свела сегодня мужчин за одним столом.

– Ну что, Саш? Ввел тебя Слава в курс дела?

– В общих чертах, – кивнул «важняк», – но хотелось бы подробностей.

– Подробностей-то особенных и нет, – с сожалением покачал головой Константин Дмитриевич. И вкратце изложил собравшимся свое видение сложившейся ситуации.

Из Германии не вернулся на Родину видный ученый – и все следы его оборвались около двух недель назад.

Недавно в Ганновере проходила крупнейшая в мире традиционная выставка-ярмарка информационных технологий. На ярмарке проводилась научная конференция, на которой в присутствии журналистов из семидесяти пяти стран выступали президент германской ассоциации информационных технологий, топ-менеджеры ведущих немецких и мировых IT-компаний.

От нашей страны был приглашен академик Дубовик. Он тоже выступил с докладом и заявил, что кризис в российской науке миновал и что в ближайшие два года только телекоммуникационная отрасль даст стране двадцать тысяч рабочих мест. Отрасль высоких технологий является «набирающим мощностъ двигателем российской экономики».

Сам академик во главе коллектива талантливых ученых из

фирмы НИИ «Маяк», соучредителем которой являлись государственные структуры и отдельные высокопоставленные лица, выполняя правительственный заказ, создавал суперкомпьютер «Русь – XXI век».

Речь шла о возобновленных в России работах по созданию искусственного интеллекта. Еще полвека назад теоретические разработки наших ученых обгоняли западную инженерную мысль, но в последние годы Япония и Штаты опередили нас, казалось, «навсегда». К счастью, правительство наконец обратило внимание на наукоемкие сферы, и «Маяк», обладавший великолепной научной базой, стал флагманом российской IT-отрасли. Разработки курировались Министерством обороны и осуществлялись под личным контролем президента...

Академика хватились через неделю после закрытия компьютерного форума. Борис Сергеевич предупреждал директорат «Маяка» о возможной задержке, но в оговоренный срок в Москве не появился. Дирекция НИИ была встревожена странным исчезновением видного ученого с мировым именем. Стали обзванивать Германию. Выяснилось, что сразу после окончания выставки Дубовик вроде бы собирался на трехдневную экскурсию по стране. Но кто ее проводил и куда именно академик собирался, никто из организаторов выставки понятия не имел. Это было частным делом Дубовика. И он исчез из поля зрения принимающей стороны. Но не появился и на Родине. Дни шли, а в столице об академике

никто больше так и не слышал.

Коллеги терялись в догадках. Зная крутой характер Дубовика, никто не сомневался в том, что с Дубовиком произошло что-то чрезвычайное, ибо, будучи педантом, он о своих намерениях всегда ранее ставил в известность близких людей. Он либо убит, либо захвачен в плен. Сослуживцы стали атаковать государственные учреждения. Писали всюду, куда только было можно. Академия наук Российской Федерации обратилась в правительство, к министру МВД, к генеральному прокурору.

– А что пресса и телевидение?

– Ты, Саня, всегда успеваешь задать этот вопрос раньше, чем я на него отвечу, – криво усмехнулся заместитель генерального. – Пока сведений на этот счет у меня нет. Вроде бы тихо пока, но, если что-то просочится, скандал и шумиха вокруг дела вряд ли нам помогут.

– Понятно. А что говорят представители авиакомпаний? Покинул ли наш пропащий территорию Германии?

– Тем рейсом, которым возвращались члены нашей делегации, он не вернулся. Сведения о пассажирах иных рейсов... Сам этот вопрос и выяснишь.

Александр Борисович только молча кивнул.

– Вчера меня вызвал Кудрявцев, – продолжал Меркулов.

– Как здоровье генерального? – поинтересовался Грязнов.

– А что ему сделается? – отмахнулся заместитель. – А вот настроение его после визита на ковер к президенту замеча-

тельным назовешь вряд ли.

– Значит, сам уже в курсе?

– Увы. Хотя и понятно. Президиум Академии наук по инстанциям никогда не бегают. Или спикеру, или президенту запросы и требования шлет.

– И что Владимир Михайлович теперь?

– Предлагает мне подумать над созданием следственной группы, ввиду важности дела.

– И что?

– Создадим. Что нам еще остается? Сто шестьдесят третья позволяет же в случае сложности или большого объема дела...

– Угу, – съязвил Турецкий. – Дело на контроле у президента не может иметь маленький объем.

– Не умничай, а? Налей лучше еще по одной. Тебе пригодится, чтобы нервы успокоить.

– Опять на мою голову? – Следовательно за эту голову в ужасе и схватился.

– Молодец, соображаешь. Так вот, по просьбе президиума Академии наук России и с ведома генерального прокурора я возбудил дело по признакам сто пятой...

– Господи, откуда тут признаки убийства? Завис академик у крали, а нам уже мнится: украли.

– Нам просто приказали его найти, – оборвал рифмованный каламбур Грязнова Константин Дмитриевич. И еще пригубил коньяку. – Гарантом того, что ничего противоза-

конного мы себе не позволим, тебе, Сань, и придется выступить. Короче, назначаешься руководителем группы предварительного следствия по данному уголовному делу. Подумай пока, прикинь, что к чему. После обеда жду тебя в кабинете с предложениями.

– Вот спасибо, Костя. – Турецкий поморщился, словно от зубной боли. – Именно этого мне и не хватало с утра для полного счастья.

3

Всего лишь пару лет назад профессор Викентий Леонидович Гончар, заведующий одной из ведущих кафедр Инженерно-физического университета, считал, что его пятьдесят пять лет и есть возраст расцвета мужчины. И до некоторой степени он, несомненно, был прав.

Вику, родившемуся еще при Сталине, в непростое время, когда страна не успела полностью оправиться от войны, полуголодное детство помнилось плохо. Хотя имя Леонида Гончара – отца Викентия – и было достаточно известно в научной среде, оно само по себе не давало права на дополнительный паек. Семья не голодала, конечно, но и не жировала. Выживала, как и вся страна.

Студенческая юность была прекрасна мечтами и молодостью, но ощутимых результатов в творческом аспекте не дала. Если не считать, конечно, актом творчества женитьбу на

пухленькой хохлушке-веселушке Лиде Семикопенко из архитектурного института. Их бурный и веселый роман закончился штампом в паспорте и переездом Вика из родительских хором в семейное студенческое общежитие – на этом с вселенским скандалом настоял сам Викентий. В конце концов, его отец с уходом сына не столько согласился, сколько смирился.

Закончив аспирантуру и защитив кандидатскую под руководством доктора наук Сергея Тимофеевича Дубовика, Викентий несколько охладел к изысканиям, переориентировался и выбрал административно-преподавательскую стезю. Со временем у того же руководителя защитил и докторскую, но написанную уже его собственными аспирантами. Долгие годы они с Дубовиком-большим, как именовали престарелого профессора в научных кругах, проработали бок о бок. И вот уже лет пять, как вместо ушедшего на пенсию учителя Викентий Леонидович возглавляет в университете кафедру информационных технологий. Заслуженный деятель науки и техники. Считается великолепным организатором и хорошим педагогом. А вот Дубовик-маленький, низенький круглоголовый Борька, сын Сергея Тимофеевича, учившийся лет на пять позже Викентия, напротив, ударился в науку. Числясь всего лишь начальником научно-исследовательской лаборатории при кафедре, недавно получил звание члена-корреспондента Российской академии наук. И, похоже, подумывает о создании своего НИИ, всерьез метят на Нобелевку...

Что же, каждому свое — именно к этому философскому выводу пришел тогда к своим пятидесяти пяти профессор Гончар. Зато теперь, добившись многого честным трудом и усердием, он смог спокойно жить.

Но своим главным достижением в жизни Викентий Леонидович считал двух уже взрослых сыновей. Оба получили прекрасное образование. Сначала в известной на всю Москву физико-математической школе, из которой оба еще и в Лондон выезжали для стажировки в английском языке, затем в университете. Оба обеспечены собственным жильем в столице. Старшему отошла прежняя однокомнатная квартира Викентия в сталинском доме в центре города. Это была первая квартира, которую ему выделил университет, когда молодая семья кандидата наук обзавелась наследником. Младший жил в новостройках и выплачивал ипотечный кредит. Отец помогал.

Наконец, оба они пошли по стезе родителя, занявшись научными исследованиями в сфере информационных технологий, и считались способными теоретиками, будучи при том хорошими прикладными программистами.

Холосты пока, жаль. Викентию хотелось бы уже и на внуков посмотреть. Но это — дело наживное, как говорится. Успеется еще.

Каждый из сыновей давно уже сам строил свою собственную жизнь. Но раз в две-три недели по выходным они непре-

менно навещали родительский особняк в Подлипках, куда профессор и супруга его Лидия Андреевна с удовольствием переселились из шумной и суетной Москвы.

– А у тебя-то, ма, как дела? – с набитым ртом прошамкал Данил. Он за обе щеки уплетал наваристый украинский борщ и причмокивал, но уже представлял, как заест его варениками с картошкой и сальными шкварками.

– А что у меня? Через полтора года на пенсию, но пока говорят, чтобы и не заикалась даже.

– Ценят, значит?

– Еще бы! А почему, собственно, не ценить? Последние проекты все на мне держатся. «Дом со львами» на Малой Молчановке – мой. Самый приметный участок «Квартала на Патриарших» чей? Правильно. Сейчас вот над «Четырьмя ветрами» корплю. – Располневшая в последние годы женщина тем не менее ловко скользнула к плите и поднесла полный половник добавки старшему сыну, круглолицему шатуну, очень похожему на нее.

– Спасибо, ма. Язык проглотить можно! А платят-то как?

– Да ничего. Хватает на жизнь, если с отцовскими гонорарами. Хотя последнюю зарплату задержали уже на два месяца.

– Так бросай ты свою контору! Перешла бы в «Резерв» или «Моспроект» – эти не задерживают.

– А тебе бы все бросать, – покосился на первенца отец. – Твоего ухода Боря вон до сих пор забыть не может...

– Ты опять про Дубовика? Утомил, честное слово. Па, ну ты пойми: зачем мне годами быть под кем-то? Разгрести то, что наш гений напридумывает. Да и неясно, будет ли оно работать. А у Чепурного самое модное сейчас направление – интернет-телефония. Да и конструкторы его ваяют наворочанные мобильники, значит, софт под новое железо ему нужен, а там я – дока. Знаешь, какие на этом сейчас делаются бабки?

– Господи, в кого ты такой? Разве все на свете измеряется деньгами? – не вытерпела мать.

– Не все. Но многое, – встрял в разговор и младший, взъерошив светлую – в отца – шевелюру.

– Ты, что ли, тоже уходить собрался? Почву готовишь? – догадался профессор. – Что же это за натура у нынешней молодежи? Уходящая какая-то. Чуть что – всё бросают и уходят, не оглядываясь. Будто и не связаны ничем. И ни с кем.

– Не ворчи, Кеша, – бросилась на выручку сыновьям Лидия Андреевна. – Почему бы и не искать, пока молод?

– Молод... – пробурчал Викентий Леонидович. – В том-то и беда, что сейчас все до седых волос – молодые. Вот и порхают...

Замолчал, надувшись было, но обмакнул в сметане вареник и, улыбнувшись, отправил его в рот, интенсивно заработав челюстями.

Этот перманентный спор тянулся вот уже несколько лет. Всякий раз при встрече старшее поколение пыталось вразу-

мать младшее. И в полном соответствии с заведенным миропорядком всякий раз этого сделать не удавалось, поскольку младшее тоже имело свои головы, свои взгляды на мир, да и было не менее упертым.

Пока диспут по объективным причинам прервался, старший Гончар, наслаждаясь прекрасной стряпней супруги, вспомнил, что оба отпрыска доставляли родителям немало хлопот еще в юном возрасте.

Младшенький учудил как-то в школе.

Когда он учился в шестом, Лидия Андреевна однажды днем обнаружила дома записку: не ищите, решил пожить вне дома, посвятить все время учебе, вернусь месяца через полтора, став непременно отличником. Испуганная женщина тут же вызвонила Викентия, они бросились в школу, где как раз закончились занятия, и застали сына, пытающегося в дальнем углу длинного коридора соорудить из физкультурных скамеечек лежбище на ближайшие сорок пять ночей. Кинулись в объятия друг другу и плакали. Выяснилось, что мальчик безнадежно влюбился в записную школьную красавицу из девятого класса, нахватал двоек по всем возможным предметам, а похвастать этим не удосужился, опасаясь расстроить веривших в его выдающиеся способности маму с папой. Когда же сокрытие «успехов» более стало невозможным, решил сам, по-мужски, разобраться со своими проблемами. Со стороны это выглядело даже достойным. По крайней мере, ни мать, ни отец не стали его сильно шпынять.

Вот только то, что этим поступком он оскорбил любящих его людей, выказал себя чужим и далеким от семьи, «мужчина» искренне не понял.

А Данила «сорвался» позже. Вообще, он рос весьма застенчивым мальчиком, хотя и был одарен от природы. И школу он закончил с отличием, но никто в то время не знал, какой ценой ему это далось. Парень учился без малейшего напряжения, но когда приходила пора экзаменов – его будто подменяли. Груз ответственности – боязнь огорчить семью – так давил на него, что вундеркинд забывал, сколько будет дважды два. И только лояльное отношение педагогов, знавших его истинную силу, позволило юноше избежать фиаско.

На вступительных же в Бауманку, которую он выбрал сам, безо всякого участия родителей, Данила был абсолютно уверен, что провалится, – именно поэтому все сдал легко, без четверок даже, и стал студентом факультета прикладной математики. Первую сессию пересдавал трижды, хотя во время семестра «хвостов» не имел; а еще через полгода, находясь в полной прострации от ужаса перед предстоящей пыткой, просто не явился на экзамены. Родителям, разумеется, чтоб не переживали, отрапортовал об успешном окончании первого курса. Осенью же, когда начался учебный год, лжестудент вдруг исчез из дома.

Переволокновавшиеся домашние всю ночь не сомкнули глаз, ведь Данила обычно всегда предупреждал о том, где и на сколько задерживается. Обзвонили больницы, морги и

отделения милиции – нигде ничего. А часов в семь утра с вокзала позвонил блудный сын, заявив, что около полуночи очнулся в Бологом, как и почему туда попал – не помнит, добирался назад на электричках...

Уже тогда Данила проявил себя незаурядным психологом. Сначала до смерти напугал близких людей возможностью своей собственной смерти. Затем объявился при жутковатых обстоятельствах – что: алкоголь? наркотики? насилие? А когда выяснилось, что всего-навсего бросил институт и авто-стопом отправился обустроиваться в Северной столице, но сдрейфил на полпути, отец с матерью повеселели даже. И сыну все обошлось без катастрофической головной боли.

Проблем, если честно, никаких вообще не возникло. Данила был «ноябрьским», до армии имел еще год в запасе и вполне мог летом поступать вновь в любой другой вуз, получая отсрочку от призыва. Но на этот раз отец взял сына под жесткий контроль. Не желая рисковать снова, он устроил на кафедре что-то типа приемной комиссии. Чтобы коллеги убедились, что юноша подготовлен основательно. Опираясь на мнение коллектива, Викентию удалось убедить ректора зачесть сыну результаты вступительных экзаменов в Бауманку. Пусть учится на первом курсе снова – все не так страшно. А с возрастом, надеялся отец, Даниле удастся преодолеть боязнь ответственности.

Профессор размышлял, наблюдая за сыновьями, с аппетитом поглощающими обильный обед. Куда что делось? Где

юношеские романтические порывы и неуверенность? Теперь перед ним два честолюбивых нагловатых парня, верящих в собственную правоту и удачу. Так и надо, чтобы добиться в жизни успеха. Жаль только, что все на деньги переводят. Но, наверное, время сейчас такое.

После еды, по обыкновению, сыграли пару партий в шахматы. Поболели у телевизора за ЦСКА, хотя в Петербурге клуб ухитрился проиграть «Зениту». Впрочем, по-настоящему переживал только старший Гончар. Сыновья, не находящие в футболе никакой утилитарной пользы, смотрели за компанию, потягивая пиво, и просто расслаблялись.

В общем, пожили денек нормальной семейной жизнью.

Уже в коридоре, прощаясь, братья, как бы невзначай, обронили пару слов о своих планах.

– Ладно, мам, поехали мы. Батя, будь здоров! И не переживайте вы, все наладится. Мы с Валеркой решили свою фирму зарегистрировать. Будем своими ручками софт писать и продавать. И непременно станем богатыми и счастливыми – вот увидите...

Многое увидел и пережил за эти два года профессор Гончар. И его нынешние пятьдесят семь уже не казались ему счастливыми и безоблачными...

Для середины апреля в Москве было прохладнее обычного. Но яркое солнце трудилось значительно активнее, чем еще неделю назад. Вдоль бордюров по Неглинке журчали ручьи. С проезжей части снег был вывезен, но тротуары были еще слякотны, и высокий нескладный парень в длинном демисезонном пальто смешно, словно цапля, задирает ноги, переступая лужи, чтобы не забрызгать брюк.

Сегодня Денис Грязнов приехал на работу на метро. Душевное состояние его после традиционной вечерней ссоры с Настей было ниже среднего, и он захотел просто прогуляться по московским улицам. Отвлечься от тревожных дум и успокоиться.

Он вывернул на Неглинную с Кузнецкого Моста и задержался у стеклянной витрины, тянущейся вдоль первого этажа всего дома. Лет десять назад тут был большой нотный магазин, а со двора можно было войти в первую штаб-квартиру детективно-охранного агентства «Глория», основанного его энергичным дядюшкой. Теперь же в витрине соседствовали соломенные бабки-ёжки на метлах, зазывающие посетителей вкусно поесть в модном кафе, и голые манекены какого-то бутика. На пластиковых прелестях основательно подросших Барби висели тоненькие разноцветные тряпочки. Владельцы торговой точки первыми решились выставить напоказ моде-

ли купальников нового летнего сезона.

Сверкающие на солнце ноги витринной дамы вдруг пробудили в душе Дениса воспоминания о других ногах. Со всем, казалось бы, недавно он, взбираясь на вертолет по веревочной лестнице следом за Галей Романовой,⁹ вынужден был волей-неволей заглядывать ей под форменную юбку. Тогда на кону стояла жизнь людей, и впопыхах он даже внимания на женские прелести не обратил. А вот теперь, поди ж ты, всплыло...

Денис тряхнул головой и продолжил осторожное передвижение по мокрой снежно-грязевой кашнице. Миновав Сандуны, свернул в подворотню и спустился по четырем ступенькам к служебному входу в теперь уже им возглавляемую «Глорию», расположившуюся в цокольном этаже шестизэтажного дома дореволюционной постройки.

Войдя в кабинет через заднюю дверь, не успел он даже пальто в шкафчик повесить, как обнаружившая его появление секретарша прокричала из приемной:

– Денис Андреевич! Вы? Вам только что Турецкий звонил!..

– Что хотел?

– Просто поинтересовался, на месте ли. Я сказала, что будете с минуты на минуту.

– Хорошо. Я ему сам перезвоню.

⁹ Ф. Незнанский. «Отложенное убийство».

Грязнов причесал рыжую шевелюру, взъерошенную весенним ветерком, одернул пиджак и вышел в приемную.

– Что новенького с утра?

– Ничего еще, Денис Андреевич. – Секретарша работала недавно, но директора вполне устраивала. Была молода, симпатична и сообразительна. – Пока только Макс в конторе. Если вообще уходил. Кротов с Демидычем минут через двадцать должны быть. Голованов уже в «Вест-банк» поехал – по тому делу с фальшивыми пластиковыми кредитками. Ну и остальные задействованы. Соберутся, как обычно, к полудню.

Денис кивнул и вышел.

– К Максусу загляну.

Максим даже не обернулся. Его широкая спина полностью загораживала монитор, а шевелящиеся под взъерошенной копной волос уши свидетельствовали о том, что их обладатель, по обыкновению, жует какой-нибудь «Сникерс».

– Опять балдеешь? – вместо приветствия от двери окликнул компьютерщика Денис.

– Угу, – не отреагировав на подначку, отозвался гигант. – Тут такое!..

– Что-то интересное? – Денис подкатил к компьютеру второе кресло и плюхнулся рядом с Максом.

Тот, не отрывая рук от клавиатуры, удосужился наконец взглянуть на директора.

– Не знаю пока. Слухи. В общем, я тут к виртуальной ту-совке хакеров прибился. Ребята ушлые, грамотные и вовсе не преступники, как вы все считаете...

– Ну не все мы, положим, а клиенты наши. И не всех, а тех, кто их ограбил.

– Ладно. Не в том суть. Я теперь их плотно отслеживаю. Вдруг да и мелькнут конкретные сведения о взломе банка. – Макс откусил от лежавшего рядом с «мышью» шоколадного батончика, пожевал и продолжил: – Короче, на одном из форумов проскользнуло было сообщение, что пропал Дубовик.

– Кто это?

– Компьютерный гений. Академик Дубовик Борис Сергеевич. По мнению ребят, надежда нашей страны на приоритет в информационных технологиях.

– Даже так? Новостные агентства раструбили? То-то америкосы обрадуются!

– То-то и странно, что все молчат. И сообщение из форума удалено вдруг. И отклики уже подчищаются. То ли «утка», то ли кто-то следы замечает...

– Понятно. Ты бы лучше банком занимался. А про дуболома своего забудь пока. Вот когда нас попросят его найти...

Вернувшись в кабинет, Денис включил свой компьютер, пробежал взглядом по броским заголовкам. Про махинации в сфере информационных технологий, из-за которых в последнее время потянулся в «Глорию» обиженный народ, но-

востей не было. Денис подпер голову руками, вспомнил вечерний семейный скандал и, сморщив нос, задумался. «О своем, о „девичьем“».

...Вся проблема в том, что мы не можем соответствовать.

И хотя сильный пол менее консервативен по природе своей и адекватнее реагирует на угрозы окружающей среды, нежели прекрасный, каждый отдельно взятый самец предпочитает придерживаться привычных для него стереотипов поведения. В обществе, в быту, в укладе жизни. Откинем упертых фанатичных болванов, которые ни на что не реагируют, и безвольных амёб, подстраивающихся под всех и вся, не имеющих собственного лица. Ни те, ни другие – не мужчины по сути. У оставшихся же в мужских рядах превалируют две модели существования. Их по-разному можно называть, но существо их от этого не изменится. Одна из моделей возвышенная, романтическая, вторая – прагматическая, приземленная. Ни та, ни другая – не хуже и не лучше. Они обе позволяют особям мужеского пола выполнять возложенную на них природой двуединую задачу: прокладывать новые пути для биологического вида, к которому они принадлежат. Для человечества. И потомство собственное, сберегая породу, заслонять грудью своей от внешних угроз.

Интересно, что ни внешние признаки, ни даже поведение в какой-то из периодов жизни не даст стороннему наблюдателю точного знания. Отчаянным моряком может быть и прирожденный открыватель тера инкогнита, и «трудыга

вульгарис», решивший подзаработать таким странным способом. И только сам мужчина смутно понимает, что для него милее: неизведанные миры или тихая обеспеченная старость в кругу внуков да сожаление о зря прожитой жизни.

И каждый, быть может даже не осознавая, строит тот мир вокруг себя, который ему и предстоит оставить в конце жизненного пути. Они разные – эти миры.

Тот, кто хотел лететь в поднебесье и узнать, как оно там, кто летал туда, кто писал новые песни, невиданные картины или выводил небывалые формулы, – они почти всегда строят мир одиночества. Вокруг них могут собираться шумные компании, у них могут быть десятки друзей, учеников и последователей. Но рядом с ними нету равных. И они во всей веселой, теплой, дружеской суете все равно остаются один на один с собой.

Те же, которые жили для своего собственного благополучия, старались не заводить лишних друзей, тащили все в дом... Они поливали собственным потом небольшой свой участок. Они никогда не уходили из дому дальше, чем к соседке. Они ужинали всю жизнь в кругу домочадцев. Они рожали детей, они кормили семью, они и знать ничего не хотели о звездах... На смертном одре таких окружают потомки и соседи. И не умещаются все, связанные родственными и дружескими узами, в большом добротном дому.

Но каждый всегда жалеет об упущенных возможностях. Первые – о несбывшемся уюте и покое. Вторые – об остав-

шейся на небе звезде...

Беда наша в том, что мы не умеем быть сразу разведчиками и землепашцами, рыцарями и мужиками. Иногда, в моменты душевных подъемов или кризисов, можно переэквивалентироваться ненадолго. Но потом все равно возвращаешься на привычные рельсы...

А женщины...

Они хотят, чтобы пахарь целовал им ручки, дарил цветы и все делал красиво, а рыцарь и поэт мыл посуду и ровно вбивал гвозди...

Им всегда нужен идеальный мужчина.

Мы не можем и никогда не сможем соответствовать этому их требованию.

В этом вся проблема.

Вот и Настя. Поначалу именно бытовая неустроенность Грязнова и заметная авантюристская жилка, в сочетании с респектабельностью главы серьезной фирмы, привлекали честолюбивую женщину. Раньше ему казалось, что из Насти со временем получится отличная, терпеливая и понимающая жена директора частного охранного предприятия, работа которого продолжается круглые сутки без уверенности, что дорогие заказчики или дорогие сотрудники не выдернут начальника среди ночи из супружеской постели. Настя старательно играла роль терпеливой и понимающей. Но когда они стали жить вместе, требовательность ее становилась день ото дня все невыносимее. Особенно это стало заметно ему после

возвращения из Сочи. Ну он и сам не подарок, наверное, но должна же быть в девушке, помимо профессиональных амбиций и претензий к мужу, хоть толика нежности. Страстность – это здорово, чего уж говорить. Но как хочется порой простого понимания, сочувствия, терпимости.

Да он, наверное, идеалист, но, по его твердому убеждению, жениться надо лишь на той, с которой вместе будет не страшно стареть. Которая не обманет, не предаст, не станет за его спиной кокетничать с другими, не бросит, если с ним случится несчастье. Наверное, такие женщины уже перевелись на белом свете, к сожалению...

Денис вздохнул, прогоняя опять вдруг вставший перед глазами образ улыбчивой Гали Романовой, и набрал номер Турецкого:

– Это я, дядь Сань. Что хотел? Как ты сказал? Дубовик? Это которого похитили? – Денис широко улыбнулся, услышав в трубке такой звук, будто у изумленного Александра Борисовича отвалилась челюсть. – Да, я понял, Меркулов собирает вас к пятнадцати. Думаешь, «Глория» тебе понадобится? Ага. Буду в «нашем» пабе часам к семнадцати. Вряд ли он вас дольше двух часов мурыжить станет.

5

– Тебе чистый? Или развести?

– Глотать эту горечь в неразбавленном виде? Застрелить-

ся легче, — рассмеялась рыжая длинноносая бестия, словно ураган ворвавшаяся в квартиру Данилы Гончара в Петрове-ригском переулке.

— Ты за рулем, что ли? — поинтересовался Валерий, почти незаметный в глубоком кресле, откуда он наблюдал за священнодействием старшего брата.

— Я похожа на дуру? — Глаза его университетской сокурсницы Изабеллы Вовк метнули молнии. — До вас от метро по Маросейке три минуты скачками. А на французике моем — три часа в пробках. Да и не расслабиться.

Она улыбнулась, подлетела к креслу, вскочила верхом к Валерию на колени и впиалась ему в губы страстным поцелуем.

— А я-а-а? — нарочито жалобно протянул Данила.

— А ты работай! — отрезала гостя. Но смягчилась тут же. — Дойдет и до тебя очередь, не переживай.

Старший из братьев действительно был занят важным делом. Склонившись над журнальным столиком, где стояла стеклянная колба на толстой серебряной ножке, он через краник лил тонкой струйкой воду из этой колбы на кусочек сахара, лежавший на дырявой ложке над бокалом с мутной жидкостью.

Рядом красовались две початые импортные бутылки с прозрачным изумрудным содержимым.

Наполнив бокал, Данила протянул пойло девушке:

– Держи, Белка. Или тебе «Перно» налить? Это я для себя делал – чешский «Кинг оф спирит», золотой. В нем туйона аж сотня миллиграммов на литр. А «Перно» хоть и хорош, но послабее будет.

– А мне по барабану, – хмыкнула Изабелла, вставая с Валерия, – лишь бы пробирало. Ваши шаманские пляски над абсентом меня тоже не колышут. Развела бы сахару в стакане, плеснула в абсент – напиток готов.

– Зря ты так с «зеленой феей», – подал голос из кресла младший Гончар, протягивая руку за приготовленным бокалом. – Во время ритуального приготовления абсент заряжается нашей энергетикой. Потом, когда его пьешь, настроившись на отдых, отбросив напряжение, он возвращает нам самих себя. А иначе – только тяжелое похмелье наутро.

– Ну так отбросим напряжение, кто же против? – Девушка взяла ломтик лимона и упала в соседнее кресло. И без того короткая юбка задралась. Вовк заплела ногу за ногу. – Расслабимся по полной, а? Чего, Дань, кстати, празднуем?

– Чего, чего, – передразнил Данила. – Тебе бы свой длинный нос в любую дырку сунуть!

Изабелла в улыбке растянула рот до ушей, радостно соглашаясь со сказанным.

– Да много поводов у нас сегодня, – не стал скрытничать младший брат. – Завтра вот в Штаты летим.

– За фигом?

– Приятель пригласил. В общем, Валерка вынес софт из

конторы, откуда уволился. А я договорился с покупателем. Теперь дорогой друг Чарли Салтус из Бостона хочет положить бабосы на наши счета в Швейцарии. И приглашает в Америку. – Данила хихикнул. – Со всеми программами, разумеется. Отметить доброе дело.

– И сколько дает?

– Ты хорошо сидишь? Смотри с кресла не свались...

– А конкретнее?

– Восемьсот.

– Чего? – не поняла подруга.

– А какая денежная единица в Штатах? Чего! Тысяч!..

– Ни... – начала было Белка, но прихлопнула лот ладонью.

Зеленая фея потихоньку принялась за свою ворожбу. Действительность слегка сместилась и поплыла, тела стали расслабленными, воздушными, но в них таилась теперь мощная энергия. Собеседников охватила эйфория, они начали строить грандиозные планы.

Поначалу мужчины поведали о том, что на полученные деньги хотят открыть свою фирму, занимающуюся легальным производством программных продуктов и разработкой программно-технологических проектов. Буквально в прошлые выходные они, заехав в Подлипки навестить родителей, даже похвастались им, что намереваются открыть собственное дело. Однако теперь им уже стало казаться, что заниматься одним только честным бизнесом будет скучно

и невыгодно, и у «предпринимателей» родилась гениальная идея помимо официальной деятельности привлечь к работе молодых талантливых хакеров. Тем более что младший брат уже весьма успешно взламывал сервера в сети ради собственного самоутверждения. Но надо бы подумать, какую из этого можно извлечь практическую пользу.

Даниле тоже придется уволиться, раз уж братья свое дело начинают. Св. наработки по операционной системе для мобильного телефона нового поколения он хочет положить в основу первого проекта нарождающейся фирмы...

А зачем, собственно? – интересуется Изабелла. Разве нельзя просто найти покупателя и для этих программ? Ошеломленные братья смотрят на подругу во все глаза: Белка, ты гений! За это надо выпить! А ты сама не хочешь перейти в нашу будущую контору? И вообще, ты же университет по нашей специальности заканчивала, и голова у тебя светлая. В общем, давай, третьей будешь, компаньонкой, а?

Корпорация наша функционировать станет просто: устроился – украл – уволился – продал. Мысль, а? А если за каждую стянутую программу – да по миллиону? Заживем!

– Как это мы заживем? Это ж целую пятилетку ждать надо очередного миллиона, а то и не одну. Каждый месяц работу не станешь ведь менять. Кто ж нам тогда секреты-то доверит? Да и въехать в тему надо, чтобы знать, что красть.

– Проблема. Что по этому поводу говорит нам наука? Если не можешь сам – попроси другого, утверждает она на со-

временном этапе. Похоже, мы приходим к тому, что надо постоянно расширять ряды... – заключил Валерий.

Опрокинув очередную порцию абсента, Данила нечаянно смахнул локтем на пол тонкостенный бокал на высокой ножке, не надевая тапки, пошел, пошатываясь, на кухню за другим, сам же наступил на разбитый фужер. Только стекло захрустело – а он поначалу и внимания не обратил даже. На кухню потянулась кровавая цепочка следов, донеслась матерщина. Изабелла взвизгнула, бросилась собирать осколки – сама порезала палец. Больно? Ни капельки. Только кровь, зараза, течет.

О, как эротично ты его обсасываешь, Белка! А ведь кто-то, помнится, обещал, что до меня тоже очередь дойдет.

Да погоди ты! Давай сначала о деле. Ладно, снимай это, раз тебе так нравится. Руку вот сюда... Только постоянно ряды расширять не выйдет. Людей-то куда потом девать? Не отстреливать же?

А почему нет?

– Да ну тебя с твоими шуточками! Коллектив – прежде всего. Но еще прежде – следует выпить. За удачу, за грядущий успех нашего безнадёжного предприятия, за нашу дружбу, в конце концов. Или это у нас любовь?

А была ли любовь в жизни Изабеллы Вовк? Она, если даже вспоминать начнет, припомнит вряд ли. Быть может, лишь тогда, в шестом классе, когда отец еще капитаном слу-

жил на Дальнем Востоке. В школе небольшого военного городка, где всего-то по пять-шесть учеников в классах было, влюбилась она до беспамятства в одного парня из девятого. Вот по кому сохла юная Изабелла, умереть была готова. А он относился к ней, как к сестренке младшей. Кстати, это он первый начал называть ее Белкой. С тех пор так ее везде и всюду все друзья зовут. Надеялась она очень, что подрастет, похорошеет, и он увидит тогда...

Но отца перевели в Москву – преподавать в академии, – и связь после нескольких наивных писем с Максимом прервалась. Все последующие мальчики, юноши и мужчины никогда такой щемящей грусти в ее сердце не вызывали. Никогда не трепетала ее душа от радостной боли. Были разные у нее кавалеры, кто получше, кто похуже. Кто-то нравился даже, да вот только...

Впрочем, братья вот – ничего так ребята. И в деле, и в постели.

Энергии туйона требовался выход. И собутыльники знали, где этот выход – или вход? – искать. Избавленная от ненужной одежды, Изабелла чувствовала настойчивые мужские руки на теле. Соски напряглись им навстречу. А думала деловая женщина о том, что придется занять принимаемых на работу людей какой-то легальной деятельностью. Пускай они получают зарплату. И хорошую зарплату – тут жадничать не следует. Но зато они не будут совать нос в настоящие большие дела фирмы, о которых ведомо будет только посвя-

ценным. И можно ведь развернуться, ох как здорово можно развернуться!..

– Нет, ну, мальчики, так совсем ведь неудобно. Какое тут удовольствие? Пошли на кровать, а? Бокалы берите тоже, осторожнее только, хватит нам крови на сегодня. Вот, а ты, Данила, ложись сюда. Хорошо мне с вами, ребята. О-о-о-о, вот так, да. Хорошо... Сейчас, сейчас. И тебе, Валера, сейчас все будет, иди сюда, придвигайся... Вы только самолет завтра не проспите. Не то откроете вы фирму, как же. Так и останемся прозябать. Во сколько у вас вылет?

Глава 2

1

Вылетели в 7.15.

Для этого пришлось очнуться в четыре утра, сунуть буйные головы под кран и включить ледяную воду. Голая Изабелла, с рыжими космами, метнулась на кухню и заварила крепчайший кофе. Братья вызвали такси, подхватили дорожные сумки, поочередно хлопнули подругу по заднице.

– Ну, компаньонка, иди досыпай. Ключи на тумбочке в коридоре. Остальное все знаешь. Жди. Вернемся с деньгами – такое устроим!..

В международном Шереметьеве на подходе к регистрации пассажиров рейса AF2545 встретил сотрудник аэропорта с прибором, напоминающим жезл автоинспектора, и попросил всех проходящих контроль выставить вперед руки. После этого он поочередно коснулся «жезлом» со специальной пластинкой на конце ладони каждого из полутора сотен вылетающих.

– Зачем это? – любопытствовал слегка помятый с виду Валерий.

– Проверка на взрывчатку и наркотики, – отсоединяя пластинку и вставляя в портативный газоанализатор, откликнулся «секьюрити».

– Без мазы, – не смог удержаться от скепсиса уже старший Гончар, у которого тоже раскалывалась голова. – Приучите террористов мыть руки перед едой.

– Вы-то мыли? – Сотрудник службы безопасности с подозрением покосился на похмельного Данилу. – Но если дело с взрывчаткой имели или с дурью, лучше бы вам сюда не соваться. Эта штука все учует.

Старший брат бесстрашно протянул вперед руку:

– Мы не боимся новых технологий!..

В салоне французского аэробуса им достались два места от прохода. У иллюминатора расположилась француженка лет семидесяти.

Братьев вид из окна не интересовал. Пристегнув ремни, они устало дремали, пока лайнер разбегался, набирал высоту, искал, брал направление на столицу Франции. Ожились, когда стюардесса разнесла по рядам первые стаканчики с бесплатным вином.

Вино благостью заструилось по пищеводу и легло поверх вчерашнего абсента. Головы болеть перестали, жизнь налаживалась. Мерно гудели турбины. Дремала француженка. *Впереди были Париж, Чарли Салтус, Бостон, богатство и счастье...*

Года за полтора до этого трансатлантического перелета, в Баварии, братья от нечего делать толклись в небольшом парке, куда забрели совершенно случайно. Возвращаясь к отелю, решили обойти небольшую старинную кирху – взглянуть, что там внутри, если она открыта. Дверь оказалась запертой, зато в глубине парка на открытой сцене под полусферическим навесом вовсю шло приготовление к какому-то действию. Веял теплый ветерок, солнце пекло так, что вполне можно бы и загорать, хотя стояла только середина марта и лыжный сезон был в самом разгаре. Но здесь, в долине, на солнцепеке, снег давно сошел, из аккуратных клумбочек уже торчали острые побеги крокусов, а на просохших скамеечках перед сценой, покачивая коляски, сплетничали юные мамы. Молодые мужчины – до сих пор еще любопытные, как подростки, – решили задержаться.

Минут через десять парк наполнился праздношатающим народом, а на сцену с трубами, тромбонами, валторнами и прочими железками стали выходить музыканты в национальных костюмах. Пузатые баварцы были одеты в кожаные шорты на широченных, вышитых ярким орнаментом помочах и в светлые свободные рубахи. На головах у них красовались короткополые шляпы с плюмажами. Девицы с распущенными волосами, в светлых сарафанах, чем-то напоминающих русские наряды, рассаживались с флейтами между трубачами. Выкатили огромный барабан.

Последним на сцене появился настоящий гигант с едва за-

метной палочкой в руке, поклонился народу, а затем повернулся к нему обширной, затянутой в кожу задницей и взмахнул руками. Оркестр грянул – валькирии полетели.

– Слушай, им же холодно, наверное, в шортах, – вполголоса заметил младший из братьев.

– Посмотри, какие ноги жирные, – отозвался старший. – Да и вообще, я на их месте перед таким подвигом коньяку, а лучше шнапсу бы засосал. Вряд ли они нас с тобой дурнее...

Стоявший неподалеку дорого, но нарочито небрежно и пестро одетый мужчина, заслышав иностранную речь, покоился на туристов, а через две минуты подошел, улыбнулся и что-то произнес по-немецки.

– Простите, но мы не понимаем, – ответил по-английски Данила Гончар, старший из сыновей известного российского ученого.

– О! – обрадовался собеседник и тут же перешел на английский язык. – Вы, судя поговору, из Лондона. Я – Чарли Салтус из Бостона. Предприниматель. Один из совладельцев корпорации «Бостон-Мультимедиа». Занимаюсь продажей программных продуктов для сложных систем, использующих цифровой звук и цифровое изображение.

Старший из братьев уже открыл было рот, чтобы порадовать собеседника: коллеги, мол. Но, опережая события, американец сообщил:

– Сам я, правда, ничего в программировании не понимаю. Только коммерция. – И продолжил: – Доводилось мне бы-

вать и в Лондоне. Постоянно останавливаюсь неподалеку от Уэмбли. Люблю я ваш soccer. А вы – из какого района?

– Мы с братом в разные годы учились в Сперстади-скул в Харроу. Считайте, соседи, – улыбнулся в ответ Данила. – Только сами мы не из Лондона, а из Москвы. Меня Данилой зовут, а брата Валерием.

– Да что вы? – Эмоциональный американец округлил глаза. – Русские? Какие редкие гости в Баварии! Впрочем, не пройдет и пяти лет, и, увидите, тут будет множество ваших туристов. Один из лучших горных курортов старушки Европы по вполне приемлемой цене. Хотя сам я здесь на этот раз по делам. Очень, очень рад знакомству. Дэниэл!.. Вэлериан, а ваше имя напоминает мне медицинские капли!..

– Мы тоже рады, – подключился к разговору младший Гончар. – А звать меня можете, как вам удобнее.

– Тогда лучше – Уолтер, – решил Чарли. – Дэниэл и Уолт. Музыканты, закончив тем временем Вагнера, уже отыграли серенаду Моцарта для духовых и перешли к баварским национальным мелодиям.

– Вам нравится оркестр? – кивнул в сторону сцены новый знакомый.

– Мы его в первый раз слышим. А что тут вообще происходит?

– Первая репетиция любительского ансамбля, который все лето будет по вечерам играть в городском парке. Вы тут не были летом?

– Мы впервые.

– А остановились где?

– В «Баварии» – отец рекомендовал.

– Очень симпатичный домик, бывал. Хороший выбор по разумной цене. Весь плющом увит, а с балконов видна Цугшпитце, – вспомнил американец. – Отелю, кстати, уже больше века. И все это время им владеет одна семья. Вы знали? Нет?.. Постойте, если вы не хотите слушать музыку, может, продолжим знакомство в каком-нибудь кабачке?

Поскольку возражений не последовало, он вежливо, но настойчиво взял братьев под руки и вывел из парка.

Американец провел новых знакомых «огородами»: мостом через быстрый ручей, кривыми мощеными улочками с невысокими – в два-три этажа – островерхими домами, крытыми рыжей черепицей. Отовсюду над крышами нависали горы. Дома прямо по штукатурке были расписаны сценами охоты, уборки урожая и прочими пасторальными картинками, что придавало городку неповторимый колорит. Наконец спутники вышли на улицу, вдоль которой по обеим сторонам тянулись гаштеты, кафе и бары. От глювайна отказались. Решили остановиться на нефilterованом баварском пиве со свиной рулькой, сосисками и капустой – надо же уважить местные традиции.

К концу посиделок они уже были лучшими друзьями. Новый знакомый оказался заядлым лыжником. Выяснилось, что он даже в России бывал – на Чегете. А здесь спускал-

ся исключительно по черной трассе Кандагар на Хаусберге. Единственная, кстати, во всей Германии трасса, на которой проводятся этапы Кубка мира по мужскому слалому. Один небольшой участок на ней ратр@ачат,¹⁰ только готовясь именно к этому старту, в остальное время это даже и не трасса, а просто обледеневший склон с резким уклоном и здоровыми буграми.

Смеясь, Чарли признался, что обычно его просто объезжает, так как у него ни разу еще не получилось спуститься по нему достойно. Так, чтобы это было похоже на спуск, а не на сползание...

Выяснив, что братья хоть и не профессионалы спуска, но и не новички, дал Гончарам несколько дельных советов. Посоветовал отличную четырехкилометровую красную трассу на том же Хаусберге, от подножия которого шел подъемник уже на Кройцек. А также дал адрес горнолыжного магазина «секонд-хенд», где он сам несколько лет назад за триста бывших тогда в ходу дойчемарок – сто сорок долларов всего лишь – купил вполне приличный Salomon, откатанный максимум один сезон с нормальными креплениями. Поскольку Гончары намеревались пробыть на курорте еще дней десять, покупка подержанных лыж выходила даже дешевле, чем каждодневный прокат.

В общем, расставались у дверей «Баварии» с сожалени-

¹⁰ Ратрачить – (*горнолыжный сленг*): подготавливать трассу к эксплуатации с помощью специальной снегоуплотняющей машины – ратрака. – Прим. авт.

ем. Чарли Салтус на завтра покидал Гармиш-Партенкирхен, а его «друзья навек», Дэниэл и Уолт, оставались развлекаться.

– Симпатичный мужик, верно? – спросил Уолт Дэниэла.

– Ниче себе, – согласился Данила. – Жаль, что расстаемся навсегда.

– А почему, собственно? – не поверил Валерий. – Ты ведь слышал, чем он занимается. Может, и пересечемся еще.

– Ну да, – в свою очередь засомневался старший брат. – Куда нам в западные компании с нашими темами? Меня мой Дубовик с потрохами сожрет, заикнись я. А мне еще защититься у него хотелось бы.

В транзитном зале аэропорта Шарль де Голль четыре часа пролетели незаметно. Пока перебирались с терминала на терминал, пока перекусили и выпили коньяку, пока разбирались, к какому выходу направляться, чтобы попасть на другой, дальнемагистральный аэробус, способный пересечь Атлантику, время и промелькнуло.

Соседкой братьев и в этом лайнере оказалась прежняя француженка. Только что-то неуловимо изменилось в ее старушечьей осанке, в выражении лица, кажется, она даже сменила что-то из одежды. И выглядела теперь стопроцентной американкой, глядя на которую хотелось встать, положить руку на сердце и спеть гимн Соединенных Штатов.

После взлета братья, знатно опохмелившиеся в Париже, пришли в совсем бодрое расположение духа. Все шло как

нельзя лучше, поэтому хотелось шутить и дурачиться.

Валерий подмигнул брату и начал:

– Давай сыграем: я тебе задаю вопрос, а ты на него отвечаешь, если ответил, я тебе даю пять баксов, а если не ответил – ты мне пять баксов?

– Да отстань ты, я спать хочу...

– Ну давай поиграем!

– Ну уж нет. – Данила демонстративно откинул спинку кресла почти в горизонтальное положение.

– Давай тогда так: если ты не ответил на вопрос, ты мне даешь пять баксов, а если я не отвечу на вопрос, я тебе дам пятьдесят баксов?

Дремавшая старушка наострила уши и из-под неплотно сомкнутых ресниц покосилась на братьев.

– Ладно, уговорил, давай вопрос.

– Сколько пользователей в русском сегменте «живого журнала»?

– Тююю! – протянул старший. – Ты же знаешь, что мне эта игрушка неинтересна.

Он достал из кошелька пятерку и отдал Валерию. Потом поерзал, поудобнее укладываясь на кресле.

– Стой! А ты теперь меня спроси.

Валера приподнялся, снял с полочки над креслами свой ноутбук и демонстративно вывел на экран начальную страницу энциклопедии.

– Ну давай найди мне, что на трех лапах встает, а на че-

тырех приземляется?

Старушенция даже дыхание затаила.

Валера забарабанил по клавишам. Через четверть часа бесплодных поисков он сдался.

– Эх, Интернет бы сюда. А тут не нашел я ничего. Не знаю. – И с сожалением протянул брату купюру с Улиссом Грантом.

Данила сунул ее в нагрудный карман и прикрыл глаза.

– Так нечестно, – взмолился младший. – Ты ответ-то хоть скажи.

Старший нашарил в кошельке пять долларов и молча протянул Валерию.

У американки округлились глаза, и на чистом рязанском она сквозь смех выдавила:

– Ну вы, ребята, даете...

Братья, сраженные преобразованием старухи, загоготали так, что самолет, казалось, вздрогнул.

Спустя почти полсуток лету самолет загрохотал литыми колесами шасси по бетону международного аэропорта Логан. Однако благодаря вращению планеты время сжалось, и, вылетев из Парижа в час дня, братья оказались в Бостоне уже в три часа пополудни.

Выйдя в зал прибытия, они тут же в толпе встречающих разглядели расплывшееся в улыбке лицо курортного приятеля.

– Дэн! Уолт! Вэлкам!

Чарли обнял братьев поочередно, похлопал каждого по плечу, был весел и суетлив.

– Рад, очень рад. Честно говоря, я еще тогда, в Европе, чувствовал, что мы непременно встретимся. Что встреча будет желанна и полезна и вам, и мне. Это судьба.

Он, отстранившись, внимательно посмотрел на братьев.

– А где ваш багаж?

– Все здесь, – хором, не сговариваясь, ответили прибывшие, приподнимая в руках кейсы.

– И правильно. Предметы гигиены есть в любом отеле. Зачем таскать с собой лишнее?..

С этими словами Салтус, полюбив русских парней, увлек их в подземный тоннель между терминалами, битком забитый магазинами. Потом они поднялись на поверхность и через один из многочисленных коридоров добрались до паркинга, где их дожидался небольшой «лексус».

– Скромненько и со вкусом, – отреагировал Валерий.

– Качество – японское, патриотизм – американский, – пошутил в ответ Чарли, распахивая дверцы автомобиля. – А теперь, Уолт, Дэн, прокатимся. Наберитесь терпения. Прежде чем осматривать прелести Бостона и пить виски по барам, мы с вами поедем в мою «берлогу». Дело – прежде всего...

Ехали долго. Почти два часа. Такими темпами, спустя еще три с половиной, они добрались бы и до Нью-Йорка.

Деревенька Саунт-Хэдли была расположена в центре Западного Массачусетса – обширной глухой окраины, в общем, славного и старого штата. Здесьние места издавна были известны как Долина Пионеров, или просто Долина.

– Прежде чем окончательно заняться бизнесом и перебраться в Бостон, я преподавал в Пяти колледжах, – пояснил Салтус. – И выкупил половину дома, свои «апартаменты доцента». В мое отсутствие их поддерживает в порядке домработница. Она же заботится о моем коте.

Вспомнив любимца, Чарли улыбнулся.

– Там нет удобств, но там есть уют. И все главные дела я делаю там.

Дом под номером 42 на Вудбридж-авеню находился примерно в полукилометре от колледжа. Он был построен двести пятьдесят лет назад – в середине восемнадцатого века; по российскому счету – во времена Елизаветы и Екатерины. В этом смысле он ровесник ансамблей России.

– В соседнем доме четверть века назад поселился русский поэт Бродский, – заметил Салтус. – Его наш декан Джо Эллис преподавать сюда заманил. Я слушал его выступления здесь, в Маунт-Холиоке. Великий поэт.

Братья пожали плечами. Изящной словесностью они никогда не интересовались. Разве она может приносить деньги?..

Троица разместилась на кухне белого дощатого дома с черными ставнями, окна которой выходили в густую рощу.

Сидели на высоких, как в баре, стульях у узкого стола и смотрели, как бело-рыжий пушистый красавец гонял по деревьям белок. Шумели высокие сосны. Сквозь их кроны просвечивало закатное солнце. Хозяин заварил крепкий, нехарактерный для Америки кофе.

– Итак, – начал он деловую часть разговора, – что мы имеем?

– Все, о чем договаривались. – Валерий, как специалист, взял техническую часть переговоров на себя. – Описание новой методики спектрального анализа старинных текстов, принципы контекстного распознавания символов, тезаурусы и грамматика универсального промежуточного языка для автоматизированного перевода...

Хозяин дома внимательно слушал, машинально разливая «эспresso» по чашкам: немного в свою, потом на дюйм – Валерию, потом – на доньшке – Даниле. Потом процесс повторялся, но уже Валерию доставалось меньше. И так до тех пор, пока в каждой чашке не оказывалось равное количество, будто бы Салтус пытался этим достичь некоего вселенского равновесия.

– ...Вот здесь, – Валерий открыл один из «дипломатов», – папки с бумагами. Основные термины, определение понятий, постулаты. Тезисы и краткие описания всех компонент программного комплекса, основные связи между ними. Инструкции по установке и эксплуатации отработанных частей, рекомендации по доработке незавершенных.

Чарли кивал.

– А тут, – Валерий кивнул брату, и тот раскрыл второй кейс, набитый лазерными компакт-дисками, – комплект исходников всех программ и наборы данных, по которым осуществляется тестирование. Надеюсь, что ваши программисты в состоянии будут разобраться. Все дублировано на случай, если читаться не захочет.

– А мне можно посмотреть?

– Здесь? – Младший брат изумленно взглянул на Чарли. – А поймете? Нужна мощная рабочая станция...

Салтус, оставив полупустую чашку, молча встал и вышел из кухни. Братья последовали за ним.

В небольшом кабинете американца стоял великолепный компьютер, по параметрам не уступающий, а возможно, и превосходящий те, что стояли в конторе у Штейна. Восхищенный Валерий уселся перед широким плоским монитором и принялся священнодействовать.

Старший Гончар успел сходить на кухню и принести недопитый кофе себе и брату.

– Вот! – Валерий подозвал Салтуса. – В эту директорию¹¹ я слил¹² все. Для проверки я открываю файл с телом программы. В обычном графическом редакторе, потому что здесь Пролог не установлен. Запустить на выполнение не получится. А вот этот фрагментик на Си – работает. Вот он

¹¹ **Директория** – поименованный раздел на жестком диске компьютера.

¹² **«Слить»** – скопировать.

грузится, вот требует ввода изображения... тут, конечно, надо бы периферию¹³ соответствующую...

– Ладно, я и так вижу. – Салтус, отобрав у Гончара «мышку», открыл одну из программ и пробежал глазами описания объектов и процессов, проявляя недюжинную для простого коммерсанта эрудицию. – А периферия будет в «Бостон-Мультимедиа».

Он встал, собрал диски в «дипломат» и вышел из комнаты, сделав знак братьям подождать его на месте. В соседнем помещении, небольшой комнате отдыха, где и из обстановки-то лишь диван да журнальный столик, он нашарил рукой за спинкой дивана незаметную кнопку – и в абсолютно ровной стене открылся провал скрытого сейфа. Сунув в него «дипломат», Чарли вынул из тайника две пластиковые карточки и небольшой лист бумаги.

– Возьмите, – сказал он братьям, вернувшись. – Это золотые «Визы». А это – электронный адрес, пароли и ПИН-коды. Сейчас вы с этого компьютера войдете на сайт банка, проверите наличие оговоренных сумм на счетах и смените пароли, чтобы, кроме вас, никто – даже я – доступа к этим счетам не имел. Следует учесть лишь одно: счета могут быть активированы не раньше чем послезавтра, а кода активации вы не знаете. Сегодня мы хорошенько выспимся и с

¹³ **«Периферия»** – здесь: дополнительное, внешнее оборудование компьютера, позволяющее, в частности, вводить изображения в цифровом виде. – *Прим. авт.*

утра отправимся в Бостон. Два дня мне нужно на проверку ваших программ. Вы же гуляйте пока, номер в отеле «Мэриотт» вам забронирован, деньги на рестораны, развлечения, сувениры будут предоставлены. Как только мы убедимся в действительной ценности привезенных вами материалов, я активирую счета и дам вам возможность удостовериться в том, что вы можете снимать с них деньги. Вот тогда мы по русскому обычаю и отметим нашу сделку.

И, показав безупречный ряд зубов, Чарли сделал приглашающий жест рукой:

– Идемте. Я покажу вам ванную комнату для гостей и ваши спальни в мансарде.

При желании основные достопримечательности Бостона вполне возможно обойти пешком, благо он прекрасно приспособлен для подобных прогулок. Учитывая, что ему не хватает уже территории для дальнейшего развития, бостонские градостроители, во имя сохранения этого национально-исторического достояния, приняли революционное решение: избавиться от наземных автомобильных трасс, устроив их под землей. Перенесение дорог под землю решит сразу две сегодняшние проблемы – и место для строительства появится, и репутация «пешеходного» города еще более укрепитя, что привлечет сюда дополнительное число глазееющих на историю Америки туристов.

Но и сегодня побродить по Бостону – незабываемое на-

слаждение, город манит какой-то таинственностью и лирической силой. Он свято оберегает свое прошлое, обеспечившее городу его нынешний статус. Действительно, именно здесь все начиналось: первая почта, первый банк, первая газета, первое метро, не говоря уже о революции...

Напоследок братья прогуливались по старинному аристократическому кварталу Бикон-Хилл. Увидев эти узкие улочки, освещенные призрачными газовыми фонарями, особняки девятнадцатого века из темного кирпича, тесно прижатые друг к другу, с идиллическими белыми ставнями и цветочными мансардами, они даже позабыли, что находятся в Америке: настоящая ведь старинная Европа!

– Англия, да? – спрашивал один другого. – Того и гляди, что из-за угла вывернет Джек-потрошитель.

– Не знаю. По мне, так на Голландию больше похоже. У воды особенно...

– Неважно. Все рано красиво.

– Точно. И не уезжал бы. Только нам пора уже. Зайдем в «Куинси-маркет»?

– Зайдем. Хоть сувенирчиков предкам привезем. Заодно и перекусим перед отлетом.

Вчера вечером Чарли повел их в лучший ресторан Бостона «Санкт-Петербург», где познакомил с владельцем, бывшим их земляком Натаном Слезингером. Тот оказался поме-

шан на русском искусстве, поддерживает в ресторане стиль аристократического салона. На стенах заведения развесил картины современных русских художников-эмигрантов.

— Очень, очень приятно видеть соотечественников, — улыбался гостеприимный хозяин. — Чарли сказал, что вы замечательные ученые. Это очень приятно, что русскую науку начали признавать в Америке. Что же касается искусства, так русские буквально наступают на американское искусство. Нет сегодня в Бостоне ни одной балетной труппы, где бы не работали русские солисты. В «Бостон симфони» пять-шесть ведущих скрипачей и альтистов — все из России. Та же картина и в Нью-Йорке, и в Далласе... И в опере много русских певцов, особенно из Петербурга...

Братья улыбались и старательно пропускали все это мимо ушей. Им хотелось слышать только одно. И они дождались.

Когда Натан, пожелав гостям приятного аппетита, удалился, Салтус заявил:

— Ну что же. Я поздравляю вас. Вы оба стали обладателями сумм, позволяющих чувствовать себя достаточно состоятельными людьми. В фойе стоит банкомат, каждый из вас может пойти и снять немного «кэша», чтобы убедиться в том, что доступ к его счету открыт. Потом возвращайтесь — и мы выпьем за успех нашего бизнеса прекрасного ирландского виски элитного класса single malt. Очень надеюсь, что обе стороны остались довольны и это не последнее наше дело...

Сегодня с утра братья Гончар съехали из четырехзвездного тридцативосьмизэтажного отеля, напоминающего внешним видом покрасневшее здание бывшего СЭВ в Москве. Прогулялись в последний раз по центру города и теперь мимо зеркального небоскреба, в котором отражалось только голубое небо, прошли к всемирно известному рынку.

Дело было сделано. Им оставалось только купить безделушек на память.

Впереди были аэропорт, самолет, Москва и новая жизнь.

2

– Денис Андреевич, кофейку изволите? – В дверь директорского кабинета просунулась голова секретарши.

– Не к лицу тебе, Оксаночка, официантку изображать. Неужели тебе не приятно просто угостить кофеем с плюшками-ватрушками собственного начальника и просто симпатичного мужчину, в конце-то концов.

– Приятно, – улыбнулась секретарша. – Так наливать?

– Наливай. Изволю. Только ты мне еще йогурта из холодильника захвати, ладно? А кофе и себе тоже налей, все равно ведь в офисе никого пока. Отдохни немножко.

– Спасибо, Денис Андреевич. – Оксана взяла вторую чашку и под села к столу Грязнова.

– Угощайся, Оксан. – Денис придвинул девушке металлическую коробочку, полную сладостей. – Конфеты, печенье,

сушки, шоколад. Ешь на здоровье. Как тебе у нас-то?

– Спасибо, – повторила, улыбнувшись, секретарша и потянулась к баночке, – вообще-то я кукисов очень люблю... А у нас здорово. Интересно. Я раньше думала, что частные детективы бывают только в книжках. И то ловят в основном неверных жен.

– Ну у нас тут не какая-нибудь Бейкер-стрит, – усмехнулся Денис, – а целое детективно-охранное агентство. И лицензия имеется уж больше десяти лет, что для нашего стремительного времени совсем немало, правда?

Оксана кивнула, хрустя печеньем.

А Денис, увлекшись, продолжил рассказ об истории «Гло-рии».

Идея агентства возникла у его дядюшки Вячеслава Ивановича Грязнова аж в 1992 году, когда он был еще старшим оперуполномоченным МУРа под началом покойной ныне Александры Ивановны Романовой. А работал чаще всего в паре со старшим следователем по особо важным делам при генеральном прокуроре РФ – Александром Турецким. Да, они с дядей Саней друзья давние...

Расследуя в том году серию заказных убийств крупнейших бизнесменов и политиков, Грязнов-старший признался Турецкому, что подумывает поменять место работы. Метить в кресло Шурочки Романовой было глупо, движение же вверх по министерской линии противоречило характеру сыскаря. А тут наметилась возможность занять хорошие день-

ги.

Во время расследования дела «синдиката киллеров» у Вячеслава Грязнова возник роман со свидетельницей, секретаршей убитого бизнесмена. Поскольку она имела весьма крупные претензии к своей фирме в порядке возмещения физического и морального ущерба, Грязнов собирался помочь ей удовлетворить эти претензии в полном объеме. Нина же, в свою очередь, пообещала ему дать необходимые средства и стать соучредителем детективного агентства. В реальность мечта воплотилась в 1994 году, когда дяде Славе удалось арендовать первый этаж на Неглинке, там, где был нотный магазин. Впрочем, вы вряд ли его помните, Оксаночка. Теперь там голые тетки в витрине.

– Бутик «День и ночь», – согласно кивнула секретарша.

– Название агентству, кстати, – продолжил директор, – придумал Александр Борисович. Дядя Слава собственным именем назвать хотел, а Турецкий надоумил на латынь перевести. Получилось красиво и без особых претензий.

Поначалу, правда, довольно туго пришлось. Большая часть клиентов приходила с одной-единственной целью, той самой, о которой вы читали в книжках, – шпионить за своими ближними. Мужья за женами, жены за мужьями, бизнесмены – за компаньонами и конкурентами.

Работая в милиции, дядюшка привык сталкиваться с уголовным миром, здесь же приходилось разговаривать исключительно с добропорядочными гражданами, что было непри-

вычно и неудобно. Но старые друзья из милиции и прокуратуры не забыли опера Грязнова и по мере возможностей и необходимости привлекали Вячеслава Ивановича к сотрудничеству.

Сыщики частного агентства бывают часто удобны тем, что они гораздо меньше связаны в своей розыскной деятельности со всякого рода формальностями. Для того чтобы официально установить наблюдение за подозреваемым, например, надо иметь на руках постановление прокурора. Для прослушивания телефонных разговоров необходима санкция судьи. Частному агенту куда проще. Он может назвать «наружку» охраной клиента, слежку выдать за случайные наблюдения в процессе охранных мероприятий. Есть масса и других хитростей, с помощью которых легче уйти от обвинений в нарушении закона об оперативной деятельности. Это вовсе не значит, что частный сыщик постоянно нарушает закон и права человека, тут уж как придется. Случается, кстати, что в процессе официального расследования уголовного дела и сам пострадавший категорически не заинтересован в огласке. Вот в таких ситуациях Шурочка Романова или Костя Меркулов – заместитель генерального прокурора по следствию – и привлекали к расследованию Грязнова с его специалистами из агентства, разумеется, если клиент был готов заключить соответствующий договор об оплате сотрудников ЧОП «Глория».

– А вы когда пришли? – проявила вежливый интерес до-

едающая печенье Оксана.

– Первый раз в девяносто пятом. Я тогда из Чечни вернулся и заочно учился на юрфаке МГУ. Немецкий я знаю неплохо, поэтому Меркулов меня к расследованию дела о русской мафии во Франкфурте подключил. Так к дядюшке под крыло и попал. Ну а в девяносто шестом он меня уже в директора двинул. Сам-то в МУР вернулся – его Турецкий с Меркуловым уговорили. Ну и тут же на «Глорию» дело с норильским никелем свалили. Так все с тех пор и идет...

– А ребята?

– Наши «зубры» – еще примерно полгода спустя. Сева Головач, Демидыч... Мы тогда Чуму брали.

– Кого?

– Вора в законе. Его втихую взять надо было. Официальные власти, типа, ни при чем.

– А Макс?

– В девяносто седьмом, кажется. Или в восьмом. Мы тогда бойней в Степногорске занимались.

– Господи, какой ужас. Сложные дела у вас были... – Девушка, расправившись с печеньем подчистую, округлила и без того большие глаза.

– Не то что сейчас, – подхватил Денис, – вы это хотите сказать?

– Что вы!

– Не переживайте, это правда. Это Максу нынче раздолье. Просто валом повалил клиент, у которого беда стряслась на

нине информационных технологий. До банальной слежки за женой-изменщицей никто и не опускается давно... Это ведь наваждение какое-то, – задумавшись на секунду, продолжил сетовать Денис. – Вы же уже помните, Оксаночка, как я в Сочи летал?¹⁴ При вас было. Вот там – дело настоящее. С риском для жизни. А сейчас что? Банковские карточки...

– Ой, простите, Денис Андреевич, я ведь забыла совсем...

– Что такое? – Денис смаковал холодный йогурт и, несмотря на то что вроде бы жаловался, находился в добром расположении духа. – Есть надежда, что не термоядерная война началась?

– Ох, нет. Просто еще один клиент хотел с вами встретиться.

– Кто таков? Когда?

– Собирался к пяти. Чепурной Виктор Владимирович.

– Фамилия знакомая. На слуху будто...

– Глава фирмы «Москва-Интер», известный изобретатель в сфере мобильной связи. В «ящике» частенько вертится – буквально позавчера по каналу РТР обещал очередную техническую революцию в мире телефонов.

Грязнов поморщился, театрально обхватив голову руками: ага, видите, снова информационные технологии...

– Перезвони ему, извинись, придумай что-нибудь. Сошлись на срочный вызов хоть к президенту, хоть к самому Богу. И перенеси визит на завтрашний день. Ребята, если

¹⁴ Ф. Незнанский. «Отложенное убийство».

вернутся, краткие отчеты пусть мне на стол положат. Завтра посмотрю. Сегодня меня уже нет.

Оксана вышла из кабинета, а Грязнов, рассортировав по папкам бумаги, наваленные на клавиатуру компьютера, надел пальто и покинул контору тем же путем, которым входил утром. Дворами ему проще дойти до метро. А ему скоро уже и с дядей Сашей встречаться. Похоже, что-то намечается поинтересней, чем телефонист Чепурной.

3

Максим Борисович Штейн, сын бывшего директора бывшего научного объединения «Ритм», задернув плотные шторы, лежал в полумраке на уютном диване, курил, стряхивая пепел на пол, и думал.

Он вообще много думал после смерти отца. И не то чтобы о чем-то конкретном. Он не строил планов – ни перспектив дальнейшей жизни, ни далеко идущих замыслов о мести подонкам, доведшим отца до самоубийства, ни утилитарных, не простирающихся за пределы завтрашнего дня: купить еды в магазине, заказать памятник. Нет. Да и воспоминаниям не предавался целенаправленно: фотографий не рассматривал, оставшихся отцовских регалий не перебирал, по стенам не развешивал. Он просто лежал и курил. А в голове сами собой возникали и пропадали и воспоминания, и планы, и раздумья о том, что делать и как жить дальше. Казалось

бы, разрозненные, хаотичные, они сами собой, неведомым образом, связывались, цеплялись друг за друга и составляли на удивление цельную картину странного перекошенного мира, в котором и обитал сейчас единственный сын покойного профессора.

Вспомнилось вдруг, что в вечерних новостях промелькнуло сообщение о подделке кредитных карт, о преступлениях компьютерных взломщиков. Подумалось: это, похоже, уже система, организованные преступные группы. Но коли так, государственные органы должны ведь бороться с ними каким-то образом? Может, в милицию обратиться? Толку-то. Отец сколько по инстанциям пробегал. А где же тогда просить помощи? Да и вообще, в последнее время вокруг все больше разговоров о краже интеллектуальной собственности. Действительно, к чему грабить прохожих на улицах, рискуя, вламываться в чужие дома, когда можно иметь значительно больше и намного проще.

Перед глазами возникло побелевшее лицо отца, который положил перед пьющим чай Максимом один из научных журналов, которыми дом всегда был завален до потолка. Борис Несторович шевелил губами, не в силах вымолвить слова, и только тыкал пальцем в большую статью с красочными цветными иллюстрациями.

«...Специалисты Массачусетского технологического ин-

ститута сообщают о существенном прогрессе в понимании принципов распознавания образов человеком. Новое достижение позволит существенно повысить возможности автоматического распознавания образов, в частности человеческих лиц – в особенности изображений невысокой или низкой четкости.

Профессор факультета когнитивных исследований и мозга Паван Синха и его коллеги показали, что та область мозга, которая активируется при наблюдении отчетливо видимых человеческих лиц, также активируется и при разглядывании очень размытых объектов неопределенных очертаний. Но лишь в той мере, в какой на изображении присутствуют окружающие эти пятна объекты, позволяющие однозначно интерпретировать «пятна» как «лица». Иными словами, нейронные сети мозга человека могут использовать контекст образов для компенсации даже крайне значительной деградации изображений.

Для картографирования нейронных откликов в так называемом «веретенновидном лицевом участке» мозга при просмотре различных изображений ученые использовали метод функционального магнитного резонанса. Использовались четкие изображения лиц, размытые изображения лиц без тел, тела без лиц, а также размытые изображения лиц, помещенные в неверный графический контекст.

В ходе экспериментов обнаружилось, что сильный отклик в исследуемой области мозга вызывает только просмотр чет-

ких изображений лиц, а также размытых лиц в правильном контексте. Тем самым получено подтверждение давней идеи о том, что распознавание строится не только на выделении характерных особенностей собственно лица, но и на обработке информации, относящейся к контексту.

На основании полученной информации профессор Синха предполагает, что распознавание образов компьютером на уровне способностей человека – дело ближайших лет. Нужно только научить их анализировать контекст.

Специалисты факультета математической лингвистики уже используют эту идею для распознавания текстов...»

– Еще одно свидетельство. Ты понял?

– Не очень, – отозвался сын, с шумом отхлебывая из чашки.

– Кто-то их надоумил!

– Теперь совсем не понял.

– Тогда вот на это взгляни! – Профессор схватил очередной журнал с холодильника и возбужденно зашуршал страницами. – Вот!

Отец ткнул в подчеркнутые карандашом абзацы.

«...универсальный язык-посредник как нельзя лучше подходит для хранения документов, требующих многоязыкового представления, а если он еще будет читаемым для человека, то некоторые документы можно сразу создавать на промежуточном языке.

К сожалению, универсальный язык пока не создан. Причина заключается в чрезвычайно высоких требованиях к нему. Он должен иметь достаточно выразительных возможностей, чтобы охватить все, что можно высказать на языках, для которых он служит посредником, и должна быть возможность переводить на него и обратно без каких-либо потерь или искажений. До сих пор не было создано ни одной работающей системы.

Тем не менее это научное направление не стоит списывать со счетов. Возвращаясь на новом уровне к старой идее, сейчас все чаще говорят о том, что внутри системы перевода вместо языка-посредника нужно использовать более развитые структуры «представления знаний». В частности, известная информационная фирма «Бостон-Мультимедиа» анонсировала бета-версию программы перевода старинных рукописей на современные языки. Коммерческий продукт поступит на рынок уже в ближайшие полгода...»

На недоуменное движение Максимовых бровей профессор потерянно пояснил:

– Это все наши наработки. Я отслеживал все труды заокеанских коллег. У нас был неоспоримый приоритет. Меня обокрали, сын. И я догадываюсь, кто мог это сделать...

Дверь открыл высокий блондин. Поначалу отшатнулся даже, увидев в глазах Штейна нехороший блеск. Но тут же взял себя в руки, разулыбался, залебезил:

– Проходите, Борис Несторович, здравствуйте!

И развел радушно руки и бочком повернулся, освобождая проход в комнаты для бывшего начальника и его спутника.

Профессор кривить душой не стал, сразу в лоб спросил:

– Сколько они тебе заплатили, Валер?

– Вы о чем? – Гончар сделал непонимающее лицо.

– Твоего имени в статьях нет. Значит, не для известности, не для славы. Сколько же сейчас стоит предательство?

– Что с вами, Борис Несторович? За что вы меня так? Что стряслось-то?

– Все научное направление «Ритма» продано с потрохами. – Профессор едва не поддался на искреннее недоумение Валерия. – Нарботки растащили американцы. Нашу программу вот-вот выставят на рынок. Миллионы долларов в чужие карманы. Сколько осело в твоём?

– Не клеветайте! – сорвавшимся голосом вскрикнул Валерий. – Я ничего не знаю. И вы никогда ничего не докажете! А я на вас в суд подам за клевету!..

– Вот и прорвалась твоя внутренняя сущность, – вздохнул профессор. – На воре и шапка горит. Зря ты увольнялся –

не сразу бы раскусил.

– Я по болезни уволился, вы же знаете. – Гончар отступал все дальше, пока спиной не уперся в камин. Его квартира в современном элитном доме с высоченными потолками была оформлена в старинном стиле и уставлена антиквариатом. – Я в клинике лежал. А по ночам не один я работал, между прочим. И Ралко. И Рифов!..

– Они делали дело. И до сих пор трудятся, не подозревая даже... А ты неплохо устроился на ворованные... – Профессор покрутил головой.

– И не подходите ко мне! – Рукой Валерий нащупал бронзовую статуэтку и сжал ее в кулаке. – Прекратите. Я сейчас позвоню в милицию!

Он сделал шаг и попытался оттолкнуть Бориса Несторovichа. К нему тут же бросился Максим. Гончар запустил в него статуэткой, от которой младший Штейн едва увернулся. Бронзовый буддийский божок попал в экран плоского монитора, стоявшего на компьютерном столике. Стекло покрылось непрозрачной сетью паутинок.

Гончар одним профессиональным ударом сбил с ног своего бывшего руководителя, все еще стоявшего на пути. Профессор опрокинулся на кстати подвернувшийся диван.

Тут до Гончара и добрался Максим.

Спортивный Валерий, занимавшийся в юности боксом весьма серьезно и бравший призы на московских соревнованиях, решил было, что попросту спустит незваных гостей

с лестницы. Ни милиции, ни суда он не боялся. Не было у Штейна никаких доказательств.

Но был у него сын Максим, простой экономист в государственной конторе, некогда инструктор клуба «Ай-ки-кай», по-прежнему дважды в неделю выходивший на татами.

Долгой и красивой драки с кинематографическими эффектами не получилось. Мощнейший хук справа – в челюсть младшему Штейну, приблизившемуся на недопустимое расстояние, – усвистел в пустоту. Инерция потянула за собой и бьющего, которому вдобавок чуть-чуть помог мастер восточных единоборств. Ноги у Гончара сплелись – и он сам собой повалился навзничь, больно ударившись затылком об пол. Тут же вскочил и вновь попытался достать противника резким апперкотом. Больше Максим его не жалел. Вновь промахнувшийся Валерий сначала ощутил, что ему не хватает воздуха от совсем несильного попадания в живот, а потом в голове его ярче тысячи солнц взорвалась термоядерная бомба. Это Максим, воспользовавшись секундной дезориентацией противника, точнехонько, как надо, вдарил ладонями по Валериным ушам.

Очнулся Гончар в очередной раз на полу. Встал, пошатываясь и уже не стремясь бросаться в драку. Размазал тыльной стороной ладони кровь, струящуюся из носа.

– Это не я, – пробормотал обиженно, не слыша даже собственного голоса.

– В милицию, говоришь, звонить собрался?

Гончар попятился от надвинувшегося Максима, глотая кровь и слезы. Не от раскаяния, а от обиды и затаенной злобы.

– Звони! – бросил Максим, не собираясь больше даже касаться иуды. – Сам сядешь, сволочь. За воровство, за подлость, за продажность... Успокойся, отец. Он свое получил. И еще получит...

* * *

Не суждено было сбыться этим словам.

Отец, пытаясь изобличить вора, но не зная, что же следует предпринять конкретно, прошел по всем властным структурам. Обратился последовательно к участковому инспектору, в районный отдел милиции, в управу Северо-Восточного административного округа, а потом и в городскую прокуратуру. Ответы везде были разные. Старший лейтенант Митёхин сразу заявил, что, поскольку происшествие, как он выразился, произошло не на его участке, он ничем помочь не сможет. Даже права не имеет проводить какие бы то ни было действия по этому случаю. В райотделе вынуждены были принять письменное заявление потерпевшего, но посоветовали обратиться в тот район, где расположена фирма. Обещали сами заявление в Алексеевский ОВД переслать. Переслали или нет – этого уже никто не узнает, потому как Мак-

сим не собирается заниматься этими пустяками. Кстати, на Новоалексеевской отца приняли. И по сути заявления даже проверку произвели. Приходил какой-то опер и опрашивал сотрудников «Ритма». Но никто из бывших сослуживцев Валерия Гончара не смог привести фактов, свидетельствующих о преступлении, им совершенном. В возбуждении дела было отказано за отсутствием признаков преступления. Статьи в научных журналах никому, кроме самого отца, ни о чем не говорили. А если и говорили, то на Гончара никоим образом не указывали. То есть все ответы из инстанций, различаясь по форме, были одинаковы по сути: виновных нет, потому что и самого преступления, фактически, не наблюдается.

Интересно, что можно было бы еще предпринять? – размышлял Максим. Мосгорсудом отцу тоже было отказано в иске, хотя причин отказа младший Штейн не знал. Отец не успел рассказать сыну. Просто написал записку: «Прости. Надежды больше нет».

Отбросив окурок, молодой человек плотно сжал веки. В темноте перед ним поплыли красные круги. Они были похожи на пятна, растекавшиеся по кафельному полу, когда он выхватил потяжелевшего отца из красной жидкости, до краев наполнившей ванну, и на руках перенес на диван. Он метался, звонил по всем телефонам служб спасения, бинтовал отцу запястья. Но было поздно. Отец решил уйти из жизни твердо – вскрывал острой бритвой вены не поперек, как им-

пульсивная курсистка, а вдоль, наверняка.

По большому счету, можно было бы просто работать дальше. Коллектив в «Ритме» был очень толковым. Пока шла работа над основным проектом, фирма выполняла и другие заказы, приносившие деньги, позволявшие платить сотрудникам зарплату и проценты за полученный кредит. В частности, именно «Ритм» по заданию московского правительства был одним из головных исполнителей проекта создания корпоративной сети публичных библиотек. «Ритм» также предлагал комплексные информационно-технические решения и частным фирмам, готовым платить за современные условия работы. Но это была капля в море. Штейн понимал, что продать свою программу ему уже не удастся. Значит, вернуть кредит он не в состоянии. И предпочел смерть бесчестью.

Фирма, лишившись руководителя, стала распадаться. Часть конторы, работавшая по госзаказу, осталась работать уже в статусе государственного предприятия, правда сохранив название. Но это не был уже мощный научный центр, работавший над уникальными программами, – так, всего лишь еще одна организация, занимавшаяся рутинной под крылышком у высоких чиновников. Остальные отделы либо разбежались, либо преобразовались в небольшие частные фирмочки, которые выживали, как умели. Дело всей жизни профессора Штейна оказалось похороненным весте с ним.

Теперь уже Максим размышлял, как же привлечь к ответственности истинного виновника. Что Гончар так или иначе

заплатит за свое преступление, он поклялся в душе в тот самый миг, когда понял, что отца – единственного родного человека после смерти матери, которую потерял в раннем детстве, – уже не вернуть. Он уволился, чтобы иметь свободное время. Но пока никак не пользовался им. Просто лежал. Курил. Думал...

4

Господин Чхве Иль Сон нервно притопывал правой ногой, на что его представительская «хёндэ-династия» тут же отзывалась глухим басовитым рычанием движка в три с половиной литра. Насиловать педаль газа, впрочем, никакого толку не было, поскольку с каждой минутой машин перед мостом Ченхо все прибывало и выехать из этого столпотворения давно стало невозможно. Все съезды-выезды на скоростную олимпийскую магистраль, протянувшуюся вдоль южного берега реки Хан, были так забиты автомобилями, будто их неделю там утрамбовывали.

Выезжая из дому почти час назад, топ-менеджер известной на рынке информационных технологий корейской корпорации «Seoul-78» привычно открыл ноутбук, вызвал веб-страницу Дорожного центра и отметил, что пробки с утра были на мостах лишь в западной части столицы. Курсором господин Чхве выбрал опцию «поиск оптимального маршрута» и щелкнул кнопкой «мыши». Электронная система поре-

комендовала ему дорогу через Ченхо. На том берегу, оставляя слева Техно-март и Гранд-парк, мимо рынка Дондэмын можно было объехать с юга центральную часть города, у вокзала свернуть еще южнее и вернуться в Итхэвон, где рядом с отелем «Корона» высился стеклянный куб бизнес-центра, целый этаж которого занимала фирма, куда безнадежно опаздывал сейчас Иль Сон.

В столице Южной Кореи и городах-спутниках проживает сегодня более двадцати семи миллионов человек. Большинство коммерческих и деловых учреждений расположено широкой полосой от центральной части города до северного берега реки Хан, а служащие живут в основном на берегу южном. И сотни тысяч горожан безропотно стоят в пробках к мостам, зная, что полтора часа считается в Сеуле вполне приемлемым сроком, чтобы добраться от дома до работы. Хотя через реку и перекинуты семнадцать автотранспортных мостов, но если кому-то «повезет» выбрать утром неправильный мост в неправильный день, то есть там произошла авария или городские службы затеяли дорожные работы, то можно потратить и все четыре часа запросто.

Вот и господину Чхве электронный проводник сообщил, что дорога просчитанным наиболее приемлемым маршрутом займет у менеджера не более полутора часов. Но уже через сорок минут в офисе начиналось важное совещание,

а Иль Сон не мог еще даже пробиться к мосту, на котором столкнулись два автомобиля, парализовав движение.

Однако он, воспитанный родителями в старых традициях учения Джуньи, умел достойно принимать неизбежное. И, поняв тщетность что-либо изменить, откинулся на спинку водительского кресла, потянулся и прикрыл глаза, вспоминая, как вчера вечером, втайне от супруги, гулял с юной и прекрасной Ли Чон Сэ. Взявшись за руки, они вначале при смене часовых у королевского дворца слушали пение труб, сделанных из морских раковин. Потом бродили при луне по парку Йоййдо, наслаждаясь ароматом сосен и цветущих азалий. А совсем уже поздно – в крохотном чайном домике на улице Инсандонкиль – сидели рядом на циновках и пили травяной отвар «Семь вкусов» с кедровыми орешками, корнем инсама и ююбой...

Очнувшись от грез, счастливый любовник достал мобильный телефон и набрал номер офиса...

Когда наконец Чхве Иль Сон тихонько приоткрыл дверь в актовый зал корпорации, совещание подходило к концу. На подиуме у большого экрана с лазерной указкой в руке стоял сам председатель совета директоров фирмы господин Ким Ин Сэн, низенький и круглый, словно колобок. Он уже закончил доклад и теперь подтверждал некоторые положения своей речи схемами и цифрами, а также отвечал на вопросы.

В помещение менеджер постарался войти незаметно, про-

сочился тише июльского ветерка, но его тайное проникновение не ускользнуло от внимания директора по персоналу господина Пака Чжона Э, стоявшего часовым у стены. Тот слегка приподнял руку ладонью вниз и помахал всеми пальцами, подзывая опоздавшего. Чхве приблизился, нарочитой сутулостью стараясь уменьшить свой непомерно высокий для корейца рост, и почтительно склонил голову.

– Что случилось, достопочтимый господин Чхве? – едва слышно спросил Пак, вынужденный все равно задирать голову. Говорил он обычно на современном деловом хангуто, но порой в речи его все же проскальзывали архаизмы, свойственные диалекту уроженца острова Чеждудо.

– Попал в пробку на мосту, господин директор. Я звонил... – шепотом сообщил провинившийся.

– Двадцать баллов – с вашего позволения, любезный господин Чхве. – Начальник вытащил электронный блокнот, тыкая тоненькой палочкой в едва заметные кнопки с иероглифическими графемами, снял с не умеющего рассчитывать время сотрудника двадцать баллов за разгильдяйство и больше не обращал внимания на Иль Сона.

Менеджер по интеграционным информационно-техническим решениям, руководитель одного из крупных проектов компании, Чхве Иль Сон стоически воспринял и эту неизбежность. Ничего. Он не упустит возможности вернуть и утраченные баллы, и приплюсовать еще немалые бонусы до того времени, как будут выписывать заработную плату. Пока

же внимание наказанного обратилось к схеме, высвеченной на экране. Именно его усилиями она оказалась там. И Чхве Иль Сон с гордостью и чувством сопричастности слушал речь первого человека фирмы.

– Итак, господа, можно подвести предварительные итоги. Во-первых, русские интенсивно ведут разработки в области радиотелефонной связи третьего поколения...

– Для кого это секрет? – негромко произнес кто-то из сидевших в первых рядах.

И эта выходка не осталось незамеченной местным цербером. Он быстренько снял в своем электронном кондуите десять баллов спросившему. Не потому, что спрашивать нельзя – как раз вопросы задавать уже было позволено, но обращаться к старшему надлежит с требуемым пиететом.

– Это не секрет, господин Ли Сун Син, – живо откликнулся генеральный директор. – Как не секрет и то, что многие полагают русских таежными медведями...

На этот раз Ли, к которому напрямую обратился Ким Ин Сэн, поднялся из кресла и поклонился:

– Я так не считаю. Но, уважаемый господин Ким, не можете ли вы уточнить, какие именно характеристики этого чудо-телефона делают его интересным на нашем рынке?

– Видите ли, господин Ли, данная модель хороша именно тем, что в ней объединены все лучшие характеристики конкурентов. Особый интерес представляет также идея разделения цифровых видеокамер: отдельно для записи видео,

отдельно – для внутрисетевой видеосвязи. Но главное, господин Ли, скорость обмена данными...

– В рамках их древнего стандарта GSM? – одними губами усмехнулся оппонент.

– Нет. – Директор раздраженно щелкнул пальцами и подошел к экрану, схема на котором сменилась таблицей, и по ней резво забегало красное лазерное пятнышко указки. – Аппарат предназначен для работы в UMTS, с использованием наших принципов передачи данных. И может без адаптации использоваться в Корее уже сейчас. Зато объемы информации... Благодаря схемным решениям и прекрасной операционной системе по одному каналу связи можно предавать два полноценных источника видео в реальном времени с полным разрешением и приемлемым качеством...

В зале раздались аплодисменты.

– И теперь, – директор торжественно повысил голос, – обладая этой информацией, мы уже через месяц выйдем с предложениями к производителям. Начнем с «Самсона», разумеется. Но если нас не будет устраивать цена, мы оставляем за собой право обратиться и к нашим японским партнерам!..

Позже, когда совещание закончилось, в кулуарах сотрудники оживленно обменивались мнениями.

– Я опоздал и начало прослушал, – объяснил приятелю Иль Сон. – Что они про цену сказали?

– У наших боссов про финансы спрашивать – что Кима в Сеуле искать. Не называли, конечно. Но из бухгалтерии просочились слухи, что нам русские схемы достались за исключительно смешные деньги. Сумма не превысила шести миллионов долларов...

Умевший ничему не удивляться Чхве и на этот раз остался спокоен. Лишь промелькнула мысль: неплохо. Неплохо кладут в карманы их любимые боссы, если – а он знал это абсолютно точно, поскольку сам налаживал деловые контакты с Егоровым, – русские из «Вертикали» просили за эту разработку четыре миллиона. Но сошлись стороны на трех с половиной. Через месяц «Seoul-78» выпустит опытную партию телефонов и продаст проект не меньше чем за пятьдесят. А «Самсон», «Сони» или «Панасоник» спустя еще полгода поймут на продажах новой модели сотни и сотни миллионов долларов.

Большое-пребольшое спасибо русским товарищам...

5

Турецкий потягивал «Грольш» в уютном полуподвальчике в Брюсовом переулке. Они здесь бывали несколько раз с Грязновыми, что позволило называть эту забегаловку «наш бар». До прихода Дениса время еще было. И следовало поразмыслить.

На этот раз кое-что существенное на встрече в кабинете

у Меркулова прозвучало. Константин Дмитриевич выглядел озабоченным. И не сильно старался это скрыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.